А. Г. ЗВЯГИНЦЕВ

Жизнь и деяния видных **РОССИЙСКИХ ЮРИСТОВ**

Взлеты и падения

Александр Григорьевич Звягинцев

Жизнь и деяния видных российских юристов. Взлеты и падения

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7394789
Жизнь и деяния видных российских юристов: Взлеты и падения. / А. Г. Звягинцев: ОЛМА Медиа Групп; Москва; 2008
ISBN 978-5-373-01671-1

Аннотация

Как политические и социальные коллизии времени отразились на судьбе и карьере видных российских юристов? Их биографии – это интересные и познавательные страницы истории не только российской юриспруденции, но и истории страны XVII–XX веков.

Герои документальных очерков в какой-то период своей жизни вошли в клинч с властью. А многие и вовсе оказались лицом к лицу с правосудием и неумолимым вердиктом роковых перипетий своей эпохи. Книга избранных биографий написана на основе редких архивных материалов и других малодоступных источников, которые долгие годы изучал автор. А. Звягинцев около сорока лет посвятил служению Фемиде, немало проработав на ниве реальной юриспруденции. Он широко известен читателям как автор не только документальных произведений, но и остросюжетной современной прозы.

Содержание

Павел Иванович Ягужинский 4
Яков Петрович Шаховской 10
Александр Иванович Глебов 13
Гаврила Романович Державин 17
Александр Николаевич Радищев 22
Петр Хрисанфович Обольянинов 31
Иван Логгинович Горемыкин 34
Николай Платонович Карабчевский 40
Николай Александрович Добровольский 48
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Александр Григорьевич Звягинцев Жизнь и деяния видных российских юристов. Взлеты и падения

Есть два вида государственного устройства: один – где над всеми стоят правители, другой – где и правителям предписаны законы.
Платон

Павел Иванович Ягужинский (1683–1736)

Государево око

Павел с молодости отличался веселым и живым нравом, слыл сообразительным и остроумным юношей. Эти качества, а также обаятельная внешность привлекли к нему внимание фельдмаршала графа Федора Головина, который и взял его к себе на службу пажом.

Начало XVIII века ознаменовалось в России важными событиями. Молодой царь Петр I энергично принялся за обширные преобразования, модернизацию и всемерное укрепление Русского государства. Задачи были поставлены грандиозные. Для их выполнения он мог опираться только на молодых, талантливых и энергичных людей, пусть даже не принадлежащих к знатным фамилиям.

Павел Ягужинский попал в пажи при высочайшем дворе. Здесь в 1701 году он впервые встретился с Петром I. Царь, завороженный умом, образной красивой речью, выдающимися способностями и умением быстро и толково составить любую бумагу, зачислил юношу в Преображенский полк, а когда он стал офицером – «пожаловал» в денщики. Ему предстояло дежурить при царе и фактически исполнять обязанности личного адъютанта. С этого времени начинается стремительная и блестящая карьера Ягужинского, ставшего одним из любимцев русского царя.

В двадцать семь лет он уже камер-юнкер и капитан Преображенского полка, затем генерал-адъютант, генерал-майор и, наконец, генерал-лейтенант. Прекрасно владевший несколькими иностранными языками, умный и ловкий, он неоднократно выполнял важные дипломатические миссии: вел переговоры с королями Дании и Пруссии, участвовал в работе ряда международных конгрессов, часто сопровождал царя в заграничных поездках. Петр I доверял ему и другие важные поручения, требующие смекалки и честности.

12 января[1] 1722 года оказалось знаменательной датой в истории Российского государства. В этот день Петр I подписал указ, направленный на улучшение деятельности всех органов государственной власти. В нем определялись обязанности сенаторов, предписывалось присутствовать в Сенате президентам коллегий, устанавливалась Ревизион-коллегия и учре-

[1] До 1 марта 1918 года все даты указаны по старому стилю.

ждались при Сенате должности генерал-прокурора, рекетмейстера, экзекутора и герольдмейстера.

В отношении прокуратуры в указе отмечалось: «Быть при Сенате генерал-прокурору и обер-прокурору, также во всякой коллегии по прокурору, которые должны рапортовать генерал-прокурору».

Спустя несколько дней были установлены и должности прокуроров при надворных судах.

В этом же указе Петр I писал: «Ныне ни в чем так надлежит трудиться, чтобы выбрать и мне представить кандидатов на выше писанные чины, а буде за краткостью времени всех нельзя, то чтоб в президенты коллегий и генерал– и обер-прокуроры выбрать; что необходимая есть нужда до наступающего карнавала учинить, дабы потом исправиться в делах было можно; в сии чины дается воля выбрать изо всяких чинов, а особливо в прокуроры, понеже дело нужное есть».

Однако и того срока, который был установлен, Петр I дожидаться не стал – слишком большие надежды он возлагал на должность генерал-прокурора. 18 января 1722 года первым генерал-прокурором Сената государь назначил Павла Ивановича Ягужинского. Представляя его сенаторам, Петр I сказал: «Вот око мое, коим я буду все видеть». Эта же мысль нашла отражение и в указе от 27 апреля 1722 года «О должносги генерал-прокурора»: «Понеже сей чин – яко око наше и стряпчий о делах государственных».

По отзывам современников, Ягужинский был видный мужчина, с лицом неправильным, но выразительным и живым, со свободным обхождением, капризный и самолюбивый, но очень умный и деятельный. За один день Ягужинский делал столько, сколько другой не успевал за неделю. Мысли свои выражал без лести перед самыми высокими сановниками и вельможами, порицал их смело и свободно. Талантливый и ловкий, он не робел ни перед кем. Не случайно светлейший князь Меншиков «от души ненавидел его».

Ближайшим помощником Ягужинского, обер-прокурором Сената, стал Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев, выдвинувшийся из среды гвардейских офицеров.

Генерал-прокурору были подчинены все прокуроры в коллегиях и надворных судах. В соответствии с «Должностью», он обязан был «смотреть над всеми прокурорами, дабы в своем звании истинно и ревностно поступали». Все прокурорские донесения, касающиеся важных дел, он «предлагал» Сенату и требовал по ним исполнения.

П. И. Ягужинский довольно быстро занял ключевые позиции в государственных делах – по существу, он играл роль второго лица в империи после Петра I. Императора вполне устраивала активная деятельность Ягужинского, и он во всем поддерживал его. Петр I не раз говорил своим приближенным: «Что осмотрит Павел, так верно, как будто я сам видел».

Положение первого генерал-прокурора Сената было довольно сложным. Император, человек исключительно деятельный и энергичный, нередко сам выполнял прокурорские обязанности: он постоянно ездил в Сенат и строго следил за тем, как принимаются решения.

Первое время Ягужинский тратил немало сил, чтобы навести в Сенате хоть элементарный порядок. Основное внимание он сосредоточил на контроле за повседневной работой, за правильностью и законностью разрешения дел, их своевременным прохождением, порядком заседаний и прочими дисциплинарными моментами. Стремясь к возвышению над Сенатом, он все свои предложения к сенаторам обычно прикрывал авторитетом Петра, с которым оставался очень близок. Коллегиальные решения еще были чужды сознанию самолюбивых сановников, сенаторы не привыкли считаться с чужим мнением и уважать его, поэтому в заседаниях зачастую возникали споры, крики и брань, а иногда даже потасовки. В связи с этим 16 октября 1722 года Ягужинский даже написал особое «предложение» Сенату, в котором просил сенаторов воздерживаться от ссор и споров, «ибо прежде всего это неприлично для такого учреждения».

Постепенно генерал-прокурор занимает ключевое положение в государственном управлении. Русский историк В. О. Ключевский писал по этому поводу: «Генерал-прокурор, а не Сенат, становился маховым колесом всего управления; не входя в его состав, не имея сенаторского голоса, был, однако, настоящим его президентом, смотрел за порядком его заседаний, возбуждал в нем законодательные вопросы, судил, когда Сенат поступает право или неправо, посредством своих песочных часов руководил его рассуждениями и превращал его в политическое сооружение на песке».

В. О. Ключевский не случайно упомянул о песочных часах. Дело в том, что в то время в Сенате существовал такой распорядок – сенаторы, выслушав доклад по какому-либо вопросу, имели право переговорить меж собой о том или ином деле, и для этого им давался срок от получаса до трех часов. Для определения точного времени генерал-прокурор имел под рукой песочные часы. Как только доклад заканчивался, он тотчас ставил часы на стол. Когда весь песок высыпался, сенаторы обязаны были немедленно садиться на свои места и «подавать голоса», начиная с младших.

Император Петр I, всегда строго преследовавший сановников за взяточничество и воровство, часто поручал генерал-прокурору Ягужинскому ведение «розыска», хотя расследование преступлений и не входило тогда в прямую обязанность генерал-прокурора. В 1722 году Петр I получил прошение посадского человека Сутягина, в котором тот доносил о злоупотреблениях ярославского провинциал-фискала Попцова. В доносе сообщалось, что Попцов содержит беглых крестьян, за взятки освобождает людей от рекрутского набора и разворовывает казенные деньги. Такую же жалобу Сутягин подавал еще несколько лет назад, но она затерялась где-то в чиновничьих канцеляриях. На этот раз она все же дошла до императора, и Петр I приказал своему кабинет-министру Макарову отослать полученную челобитную Ягужинскому для расследования. Генерал-прокурор быстро выяснил суть дела. Попцов признал свою вину и, более того, стал изобличать во взяточничестве также и своего начальника, обер-фискала Нестерова. Ягужинский донес о результатах следствия императору, который находился тогда в Астрахани. 15 октября 1722 года Петр I писал генерал-прокурору: «Г. Ягужинский, письмо твое октября 5-го числа до нас дошло, в котором пишешь, что фискал Попцов с розыску показал во взятках и в других преступлениях на обер-фискала Нестерова и в своих показаниях винился, и оное дело велите, по отлучении своем, следовать и разыскивать прокурору Егору Пашкову и для того придайте ему в помощь из прокуроров, кого он будет требовать, и ежели обер-фискал дойдет до розысков, также и другие, то велите разыскивать».

Вскоре после этого обер-фискал Нестеров был изобличен во взяточничестве и казнен.

Когда дело касалось интересов закона, Ягужинский не боялся противостоять даже членам царской фамилии. Об этом свидетельствует такой случай. Подьячий Василий Деревнин, служивший у царицы Прасковьи Федоровны, вдовы царя Ивана Алексеевича, брата Петра I, нашел оброненное фаворитом царицы и ее главноуправляющим Юшковым письмо. Разобрать в нем он ничего не мог, так как оно было писано специальным цифровым шифром. Но то, что писала его царица, – знал доподлинно. Будучи человеком нечистым на руку, он решил выторговать себе из этого случая максимум выгоды (ведь можно написать донос государю!), поэтому письмо припрятал. Пропажа письма весьма обеспокоила царицу, и Юшков получил от нее хороший нагоняй, врученный разносом фаворит в исчезновении письма заподозрил Деревнина, за которым и раньше замечал воровство. Он схватил его и посадил в свою домашнюю тюрьму, но когда подьячего хватились – выпустил, так и не дознавшись о письме. Чтобы не искушать судьбу, Деревнин решил скрыться, но его быстро отыскали и отправили в Тайную канцелярию. Там ему учинили допрос с пристрастием, но безрезультатно, подьячий оказался крепким орешком. Тогда царица Прасковья Федоровна решила самолично допросить арестанта. Поздно вечером, под видом раздачи милостыни колодникам, она вместе со сво-

ими слугами прибыла в московскую контору Тайной канцелярии в конце Мясницкой улицы. Зловещие, пугающие жителей Москвы железные ворота Тайной выходили прямо на Лубянскую площадь.

По требованию царицы немедленно доставили Деревнина. Он по-прежнему юлил и выкручивался. Прасковья Федоровна стала нещадно лупить подьячего тяжелой тростью. Затем ее слуги, числом около дюжины, схватили Деревнина и принялись жечь свечами ему нос, уши, глаза, бороду. После этого, связав и положив на козлы, всего исполосовали. Деревнин хоть и орал, но ничего не говорил. Тогда по приказу царицы слуги облили ему голову «крепкой водкой» и подожгли. Подьячий завопил благим матом, караульщики едва сумели сбить с него пламя, однако царица на этом не успокоилась.

Дежуривший в Тайной канцелярии каптенармус Бобровский, видя, что дело приобретает плохой оборот, и понимая, что ответственность за содеянное царицей ляжет на него, срочно направил своего человека с письмом к генерал-прокурору Ягужинскому. Тот немедленно прибыл, отобрал у царицы едва живого колодника и под караулом отправил в свой дом. И когда Пр асковья Федоровна потребовала от Ягужинского, чтобы он отдал ей провинившегося подьячего, генерал-прокурор как можно спокойнее произнес: «Что хорошего, государыня, что изволишь ездить ночью по приказам. Без именного указа отдать невозможно». Царица, бросая гневные взгляды на Ягужинского, вынуждена была покинуть Тайную канцелярию. На следующий день Ягужинский вернул изувеченного подьячего в Тайную канцелярию, ведь дело его не было закончено. О происшествии было доложено императору. Слуги царицы, которые по ее указанию истязали Деревнина, были отданы под суд и биты батогами. Главноуправляющего Юшкова сослали на жительство в Новгород.

Генерал-прокурор Ягужинский всегда жил на широкую ногу и тратил огромные суммы на обстановку, слуг, экипажи. У него были лучшие в столице кареты – даже Петр I частенько одалживал их для своих выездов. Государь любил бывать в доме Ягужинского – там было всегда весело. Возможно, именно поэтому царь, прививая российским дворянам европейский «политес», возложил на Ягужинского еще одну обязанность – надзор за проведением так называемых ассамблей.

После смерти императора прокуратура как государственный орган утратила свои позиции. Тем не менее генерал-прокурор, во многом благодаря своему уму и ловкости, сумел сохранить благосклонность Екатерины I. Он одним из первых сановников представил ей записку «О состоянии России», в которой проявил себя истинно государственным человеком – в частности, предлагал ряд мер для «внутренней и внешней целостности государства». Однако прокуратура императрицу волновала мало, Сенат также оказался в тени. На первое место в государстве выдвинулся так называемый Верховный тайный совет, образованный 8 февраля 1726 года, – он-то и управлял всеми делами.

В августе 1726 года Ягужинский назначается полномочным министром при польском сейме в Гродно. Обязанности генерал-прокурора стал выполнять обер-прокурор Бибиков, а затем его сменил Воейков.

При вступлении на престол в 1730 году Анны Иоанновны Ягужинский пережил несколько неприятных моментов. Дело в том, что ряд сановников («верховники») вздумали ограничить власть императрицы. Вначале Ягужинский примкнул к ним и также высказывался за ограничение самодержавной власти монарха. Но затем политическое чутье подсказало ему иной путь, и он решил предупредить Анну Иоанновну о заговоре «верховников». В Митаву, где находилась императрица, было послано доверенное лицо – камер-юнкер Сумароков с письмом и устными наставлениями. Ягужинский писал, что идею ограничения власти монарха предлагает лишь небольшая кучка людей, и давал совет Анне Иоанновне, как ей надобно поступить, когда к ней прибудут посланники от Верховного тайного совета. Однако на обратном пути Сумароков был арестован.

2 февраля 1730 года на совместном заседании Верховного тайного совета, Синода и Генералитета Ягужинский был обвинен в измене, арестован и посажен в Кремлевский каземат. У него отобрали шпагу, ордена, а все бумаги опечатали. Генерал-прокурора подвергли интенсивным допросам. Арест ближайшего сподвижника Петра I наделал много шума в Москве. Жителям столицы с барабанным боем было объявлено, что Ягужинский арестован за письмо к императрице, содержание которого «противно благу отечества и Ее величества». Со дня на день ожидали, что Ягужинский будет казнен. Однако заговор «верховников» провалился, последовали казни и ссылки, а Ягужинский вновь возвысился.

Именным указом от 2 октября 1730 года Анна Иоанновна восстановила органы прокуратуры в полной силе. «Ныне небезызвестно нам есть, – говорилось в указе, – что в коллегиях и канцеляриях в государственных делах слабое чинится управление и челобитчики по делам своим справедливого и скорого решения получить не могут, и бедные от сильных утесняемы, обиды и притеснения претерпевают». При Петре I же, отмечалось далее, «для отвращения всего этого был учрежден чин генерал-прокурора и ему помощника обер-прокурора при Сенате, а в коллегиях – прокуроров». В указе определялось: «Быть при Сенате генерал– и обер-прокурорам, а при коллегиях и других судебных местах – прокурорам и действовать по данной им Должности».

Не забыла императрица и Ягужинского. В указе отмечалось: «И для того ныне в Сенат, покамест особливый от нас генерал-прокурор определен будет, иметь в должности его надзирание из членов сенатских генералу Ягужинскому, а в его дирекции в должность обер-прокурора быть статскому советнику Маслову, а прокуроры и в коллегии и канцелярии, в которые надлежит, определяются немедленно».

Ягужинский был «пожалован» императрицей сенаторским званием. Несмотря на то что положение его в Сенате стало двойственным, так как раньше, осуществляя надзор, он сам не был сенатором, генерал-прокурор сумел поддержать свой авторитет. Он был, по существу, самым квалифицированным юристом империи. Но это была уже лебединая песня Ягужинского. Вокруг императрицы стали возвышаться другие люди, набирал силу ее любимец Бирон. После нескольких ожесточенных схваток с ним, менее чем через год после своего вторичного назначения на должность генерал-прокурора, Ягужинский «с радостью воспринял весть о назначении его послом в Берлин вместо ссылки в Сибирь».

В Пруссии Павел Иванович находился до 1735 года, после чего возвратился в Россию. Он стал графом и кабинет-министром императрицы, а также продолжал носить звание генерал-прокурора, хотя от прокурорских дел фактически отошел.

Павел Иванович Ягужинский имел чин действительного тайного советника, был награжден орденами Святого Андрея Первозванного, Святого Александра Невского и другими.

Личная жизнь Ягужинекого вначале сложилась неудачно. В 1710 году состоялась его женитьба на Анне Федоровне Хитрово. Хотя он получил за женой огромное состояние, сразу сделавшее его одним из богатейших людей России, брак этот не был счастливым. Его жена оказалась женщиной неуравновешенной, склонной к распутству и бездумным оргиям. От этого брака у него был сын, умерший в 1734 году, и три дочери. Ягужинский все-таки добился через Святейший синод развода, после этого Анна Федоровна была сослана в Переславль-Залесский монастырь, где и умерла в 1733 году.

Вторично Ягужинский женился на Анне Гавриловне Головкиной, дочери канцлера. От брака имел сына, который дослужился до генерал-поручика и умер в 1806 году, и трех дочерей. Вторая жена Павла Ивановича, как писали современники, была «высока ростом, имела прекрасный стан и отличалась приятностью в обхождении». Судьба ее оказалась трагической. После смерти Ягужинского она вышла замуж за обер-гофмаршала графа М. П. Бестужева-Рюмина, но в 1743 году была обвинена в участии в заговоре против императрицы

Елизаветы Петровны, судима, наказана кнутом и «по урезании языка» сослана в Сибирь, где и скончалась в 1749 году.

Граф П. И. Ягужинский умер 6 апреля 1736 года, погребен в Александро-Невском монастыре.

Яков Петрович Шаховской (1705–1777)

«Справедливость и добро всему предпочитал

Князь Яков Петрович Шаховской родился 8 октября 1705 года. Наставником мальчика стал дядя – гвардейский офицер Алексей Иванович Шаховской, человек беспокойный, инициативный и честный. Он дал племяннику не просто блестящее домашнее образование, но воспитал в нем чувство справедливости. «Главнейшие и частые мне были от сего второго отца поучения, чтобы всякое дурное делать стыдиться, а справедливость и добродетель во всяких случаях всему предпочитать», – так впоследствии с благодарностью напишет Яков Петрович в своих «Записках».

Алексей Иванович не хотел видеть племянника изнеженным барчуком и лучшим средством от этого считал армейскую службу, да не офицерство, а солдатскую лямку. Так в лейб-гвардии Семеновском полку появился четырнадцатилетний солдат. В 1723 году поручик Яков Шаховской переходит в Конную гвардию, а в середине 1730-х годов служит под началом своего дяди, управлявшего тогда Малороссией и лично державшего в курсе тамошних дел Анну Иоанновну и Бирона.

В 1738–1739 годах Якову Петровичу пришлось отправиться на Русско-турецкую войну, где молодой офицер лейб-гвардии Конного полка не только участвовал во многих сражениях, но и мужество проявлял незаурядное.

В начале 1740 года его было не узнать – закаленный, возмужавший. Он возвращается в Петербург и получает неожиданное для себя назначение – советником в Главную полицию. Скоро он становится генерал-полицмейстером и получает чин действительного статского советника. Но служба оказалась беспокойной и трудной, «редкий день без атак и штурмов приходился».

Правление Анны Леопольдовны было недолгим, но принесло Шаховскому должность сенатора, а вот следующий дворцовый переворот, воцарение Елизаветы Петровны, лишил его этого звания. Однако вскоре последовало новое назначение – теперь он обер-прокурор Святейшего синода.

«Записки» многое объясняют в его карьере. «Я еще с начала вступления в свет поставил в сердце моем предметом, чтобы во всех случаях, делах и поведении моих чистосердечно поступать, злоковарных же лестей и обманов употреблять гнушаться, а справедливость всему предпочитать». Именно этим стремлением к справедливости он и наживает себе множество врагов среди членов Синода. Некоторые из них, по его словам, чуть ли не на коленях упрашивали Елизавету Петровну удалить слишком требовательного прокурора. Однако ему удалось прослужить в этой должности более одиннадцати лет, дослужиться до чина тайного советника, получить ордена Святого Александра Невского, Святой Анны и другие. 29 мая 1753 года Шаховской был назначен генерал – кригскомиссаром, то есть главным начальником по снабжению армии и флота. На этом поприще он весьма строго следил за соблюдением государственных интересов и, по собственному выражению, ему приходилось «многие патриотические дела производить». Нередко в неимоверно тяжелых условиях, по бездоро-

жью и в распутицу он доставлял припасы в армию «без повреждения» и в «целосохранносги».

Особую заботу генерал проявлял о солдатах. В одну из суровых зим в Москву прибывали многочисленные команды новобранцев, среди рекрутов было много заболевших. Как-то раз Шаховской выехал в московский госпиталь, желая лично ознакомиться с условиями содержания солдат. Навстречу ему попались несколько дровней с лежащими в них людьми. На вопрос, куда их везут, сопровождающий унтер-офицер ответил: «Из гошпиталя, ваше сиятельство, в команду. Хворые они все тяжкими недугами». Шаховской недоумевал: «Так не из госпиталя надо везти, а в госпиталь». – «Не принимают их за теснотою в оном». Шаховской приказал развернуть дровни и ехать обратно. В госпитале оказались переполненными все покои – люди все прибывали, а размещать их было негде. Яков Петрович принял решение отселить из госпиталя проживавших там больничных служащих, а больных разместить в освободившихся помещениях. Часть медицинского персонала поселили в здании расположенной поблизости дворцовой пивоварни. Недоброжелатели тут же донесли об этом императрице Елизавете Петровне – якобы в ее величества пивоварне лежат больные «с прилипчивыми болезнями», а прачки стирают грязные бинты. Та разгневалась и поручила разобраться в этом деле начальнику своей Тайной канцелярии графу Шувалову. Шувалов послал в Москву для расследования поручика Безобразова: «Если ты по освидетельствовании обнаружишь в пивоварне больных и прачек, то всех их немедленно пересели для жительства в дом князя Шаховского». Московские враги Шаховского подкупили комиссара госпиталя, и он накануне приезда столичного курьера действительно перевез в пивоварню три десятка больных и прачек. Безобразов во исполнение приказа усадил их на подводы и привез в дом Якова Петровича, предъявив письмо начальника Тайной канцелярии. Шаховскому ничего не оставалось, как распахнуть свои покои, а самому перебраться в маленькую каморку. Будучи человеком негневливым, он все обратил в шутку, а через некоторое время ему удалось оправдаться перед императрицей. Комиссар же, мучимый угрызениями совести, вскоре наложил на себя руки.

15 августа 1760 года Яков Петрович становится генерал-прокурором и одновременно конференц-министром. Узнав о назначении на новую должность, он воскликнул: «В оном чину наиглавнейших злодеев иметь буду». И он не ошибся. Менее полутора лет служил на этом посту честный, бескорыстный и неподкупный прокурор, пользовавшийся репутацией «строгого законника» и пристально следивший за тем, чтобы в государственных учреждениях все «чинилось порядочно и по указам», имел немало острых стычек с приближенными к императрице сановниками. Он сразу же потребовал от обер-секретаря отчета о рапортах, присылаемых из присутственных мест, о производящихся там делах и расходовании денежных средств. Канцеляристы оказались в растерянности, поскольку донесения с мест, несмотря на «понуждения», поступали нерегулярно, а некоторые их вообще не направляли.

Чаще других игнорировала эти указания экспедиция по переделке медных денег, которой руководил граф Шувалов. Получив запрос, граф приехал в Сенат и в раздражении спросил, кто посмел прислать ему «понуждение», а потом обвинил генерал-прокурора в том, что тот причиняет ему неприятности. Шаховской же ответил, что пытается пресекать только «противозаконные поступки» Шувалова, основанные на личных выгодах и корысти. Разгневанный Шувалов расстался с ним еще большим врагом, чем был прежде.

Программой действий для генерал-прокурора стал указ Елизаветы Петровны от 16 августа 1760 года, в котором она поручала Сенату содействовать ей в восстановлении в государстве «надлежащего порядка, правосудия, благосостояния и обильного добра». Более близкое знакомство Я. П. Шаховского с судебными местами убедило его в том, что они погрязли в злоупотреблениях. Он писал: «Несытая алчба корысти дошла до того, что неко-

торые места, учрежденные для правосудия, сделались торжищем лихоимства, пристрастие – предводительством судей, а потворство и упущение – ободрением беззакония».

Шаховской всегда стремился отстаивать законность и справедливость, хотя и давалось ему это с большим трудом. Он признавался, что чувствовал себя путешественником, который с «надлежащей большой дороги загнан в болото, наполненное тиною и трясиною, из коего не дорогами, но наудачу, то по колено, то глубже увязая, потеряв силы и отчаясь на твердый берег выйти, близко погибель свою ощущает».

Несмотря на невероятные козни, чинимые приближенными к императрице вельможами, вопреки их злобным наскокам и наветам, он во всех делах оставался честным и неподкупным. Именно по этой причине императрица Елизавета Петровна ценила его, была милостиво расположена к своему генерал-прокурору, лично принимала доклады и часто вставала на его сторону.

25 декабря 1761 года новый император Петр III отправил Шаховского в отставку, и некоторое время тот «оставался не у дел». Короткое царствование Петра III закончилось дворцовым переворотом, и на российском престоле оказалась Екатерина II. Она вновь призвала Шаховского на службу, назначив сенатором. В день своей коронации императрица пожаловала ему орден Святого Андрея Первозванного.

Яков Петрович часто сопровождал молодую императрицу в поездках по России, причем нередко сидя с ней в одном экипаже. В пути он много говорил о деяниях Петра Великого и затеянных им преобразованиях. В одной из таких поездок он как-то вспомнил, что по замыслу Петра I один из сенаторов должен каждый год объезжать губернии и ревизовать тамошние дела, вскрывать злоупотребления и лихоимство. Эта идея понравилась Екатерине II. Тогда Шаховской тут же вызвался лично произвести такую проверку в городах, которые они проезжали, и осуществил свое намерение в Ярославле, Ростове и Переславле-Залесском, чем привел в трепет местные власти.

1 апреля 1766 года действительный тайный советник и сенатор Я. П. Шаховской по состоянию здоровья вышел в отставку. Он поселился в Москве, а летнее время проводил в своей подмосковной деревне. Вставал по обыкновению в шесть часов утра и выходил в сад, за которым сам ухаживал. Изредка встречался со своими друзьями. Привыкший к напряженной работе, Яков Петрович и на отдыхе не мог сидеть без дела. Вскоре он принялся за написание воспоминаний о своей бурной, насыщенной яркими событиями жизни, которые озаглавил так: «Записки князя Я. П. Шаховского, полицмейстера при Бироне, обер-прокурора Св. синода, генерал-прокурора и конференц-министра в царствование Елизаветы и сенатора при Екатерине II». Они впервые были опубликованы в Москве в 1810 году.

Яков Петрович был женат дважды. Первой его женой была княжна Александра Алексеевна Путятина, второй – Евдокия Егоровна Лопухина (урожденная Фаминцына). От этих браков он имел четверых детей.

Князь Я. П. Шаховской умер 23 июля 1777 года и погребен в малой соборной церкви Донского монастыря.

Александр Иванович Глебов (1722–1790)

«…Лишил себя доверенности…»

Александр Иванович Глебов родился в 1722 году. Уже в пятнадцать лет он был определен сержантом в Бутырский пехотный полк, позже в составе этого полка участвовал в Русско-турецкой войне и штурме крепости Очаков.

17 вгуста 1739 года в сражении под Славучанами в чине поручика он командовал небольшим от рядом и сумел проявить незаурядную храбрость и смекалку. В этом бою он был тяжело ранен.

Военная служба Глебова продолжалась вплоть до 1749 года, когда он сменил ее на статскую, перейдя туда в чине коллежского асессора. Скоро он сумел завоевать расположение важного елизаветинского сановника, небезызвестного П. И. Шувалова, и тот взял его под свое покровительство. Сам Глебов так вспоминал об этом периоде своей жизни: «Десять лет назад по желанию графа Петра Ивановича Шувалова был определен в Сенат обер-секретарем. Он поручал мне делать по своим мыслям разные сочинения и определил меня в места разные сверх должности моей, яко то: членом в главную межевую канцелярию и в комиссию уложенную; потом, увидев мою к себе совершенную преданность и повиновение, с благодарностью делал мне многие поверенносги».

Приблизив к себе молодого сметливого чиновника, хитрый Шувалов хотел использовать не только его способности, но и привлекательную внешность и обаяние. Случилось так, что императрица Елизавета Петровна заметно охладела к своему бывшему любимцу графу, и теперь он ломал голову, как лучше поправить свои дела при высочайшем дворе. Шувалов решил действовать через графиню Марию Симоновну, урожденную Гендрикову, вдову обергофмейстера Н. Н. Чоглокова, приходившуюся императрице двоюродной сестрой. Уж она-то могла бы помочь ему «сведать все намерения и действия двора». С этой целью Шувалов и предложил своему протеже обратить внимание на «изрядную вдовушку». Глебов к тому времени был уже вдовцом. Первая жена, Екатерина Алексеевна, урожденная Зыбина, старше его на двенадцать лет, умерла вскоре после свадьбы. Детей у них не было. Обаятельный Глебов быстро сумел добиться любви Марии Симоновны, оттеснив более именитых соискателей ее руки, и вскоре состоялась помолвка. Узнав об этом, Елизавета Петровна с изумлением воскликнула: «Сестра моя сошла с ума, влюбилась в Глебова, как отдать ее за подьячего?» Но этот конфуз был легко исправим – жениха оставалось только срочно повысить по службе.

Незадолго до свадьбы, 10 декабря 1755 года, Глебову был пожалован чин обер-прокурора Правительствующего сената. Пышное венчание состоялось в январе 1756 года в Зимнем дворце, в присутствии императрицы. Однако брак этот оказался кратковременным, Мария Симоновна была уже «на последнем градусе чахотки» и скончалась через полтора месяца после свадьбы. Мужу она оставила семерых малолетних детей от первого брака и более 50 тысяч рублей долга. Пришлось ему отчаянно искать способы разбогатеть – жалованья не хватало. И он с головой окунулся в коммерцию, что при его должности было весьма рискованным – легко было перепутать свой карман с государственным. Он занялся устрой-

ством свинцовых заводов в Финляндии, взял на откуп конские сборы в Архангельске, а затем и винный откуп в Иркутской провинции.

Если графу Шувалову так и не удалось использовать это супружество в личных целях, то Глебову женитьба на Чоглоковой помогла приблизиться к высочайшему двору. Его карьера начала развиваться стремительно – в ноябре 1758 года он был удостоен ордена Святой Анны, а 16 августа 1760 года назначен генерал-кригскомиссаром и получил чин генерал-майора. В отличие от князя Шаховского А. И. Глебов исполнял свои обязанности не столь рачительно, что особенно сказалось на снабжении армии во время войны с Пруссией.

Гораздо больше его волновали собственные финансовые дела. Александр Иванович заключил с Сибирским приказом контракт на поставку вина в кабаки Иркутской провинции, однако местные купцы начали чинить ему всевозможные препятствия. Тогда Глебов нанес ответный удар – обвинил Иркутский магистрат в тайном винокурении и незаконной продаже вина. Будучи обер-прокурором, он сумел убедить в этом Сенат, который под его давлением решил провести следствие через «верную и надежную персону». Выбор пал на коллежского асессора Крылова, ставленника Глебова. Прибыв с особыми полномочиями в Иркутск, Крылов занялся «выбиванием» денег у местных купцов, для этого он вытребовал себе военную команду из двадцати пяти человек во главе с унтер-офицером и приступил к «следствию». Применяя пытки, он заставлял людей сознаваться в «своих винах», приказал заковать в цепи председателя и членов магистрата, опечатал их дома и все имущество, арестовал губернатора Вульфа и сам вступил в управление провинцией.

Тем временем Глебов не терял времени даром – он тут же переуступил свои права иркутским купцам, отхватив при этом солидный куш. «Следствие» стало бесполезным, и он быстро провел через Сенат решение о его отмене. Однако возникло непредвиденное затруднение – губернатор Вульф сбежал из-под ареста и добрался до Тобольска, где доложил о беззакониях сибирскому губернатору, и тот приказал арестовать Крылова. Вульф с солдатами взял под стражу своего мучителя и под усиленным конвоем отправил в Петербург.

Императрица Елизавета Петровна, узнав о скандале, сильно разгневалась и велела учредить специальную комиссию для расследования злоупотреблений Крылова. Однако ловкий Глебов сумел взять «производство действий» в свои руки. Ему везло – вскоре императрица скончалась, а взошедший в 1761 году на престол Петр III назначил Глебова генерал-прокурором. Следственная комиссия тут же прекратила свою работу.

Будучи очень дружен с императором, Глебов довольно быстро занял прочное место среди приближенных к монарху вельмож. За два года, проведенные в прокурорском кресле, он помимо трудов на собственный карман все же сделал кое-что и для государства. Ему была поручена подготовка целого ряда важных узаконений. В частности, Александр Иванович являлся одним из авторов известных манифестов: от 18 февраля 1762 года «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» и от 21 февраля 1762 года «Об уничтожении Тайной канцелярии». Он был соавтором указов об отобрании крестьян от духовенства, о прекращении гонений на раскольников, о введении в России бумажных денег.

В феврале 1762 года Глебова наградили орденом Святого Александра Невского – он стал первым александровским кавалером в царствование Петра III.

Генерал-прокурор работал много и неустанно. Каждый день к 8 часам утра он являлся во дворец с докладом к императору. Фактически Александр Иванович стал посредником между государем и Сенатом, почти все поручения Сенату были написаны рукой Глебова и только подписаны Петром III.

Однако время пребывания Глебова в должности генерал-прокурора оказалось весьма недолгим и довольно бесцветным. Оно характеризуется почти полным отсутствием «доношений» от представителей местной прокуратуры. А те немногие, которые к нему поступали,

он обычно направлял в Сенат, не делая никаких предложений. Видимо, больше его занимали другие проблемы.

О корыстолюбии Глебова и даже императора рассказывала, в частности, княгиня Дашкова. Однажды Глебов, а также сенаторы Мельгунов и Нарышкин получили от некоего Хорвата по две тысячи дукатов каждый за то, что обещали поспособствовать решению его вопроса в Сенате. Когда они сообщили об этом Петру III, он не только не возмутился лихоимством своих вельмож, но даже похвалил их за то, что не скрыли от него подарков, и потребовал себе половину. После этого Петр III самолично отправился в Сенат и решил дело в пользу Хорвата.

Будучи опытным царедворцем, хитрым и изворотливым (современники называли его «человеком с головой»), А. И. Глебов очень тонко оценил обстановку во время дворцового переворота 1762 года и, несмотря на привязанность к Петру III, сразу же поддержал Екатерину II. Поскольку он обладал не только исключительными способностями, но и трудолюбием, императрица, знавшая о его дурных наклонностях и корыстолюбии, продолжала держать Глебова на высшем прокурорском посту. Более того, она поручила ему вместе с графом Н. И. Паниным руководство только что созданной Тайной экспедицией, расследовавшей все политические дела.

Почти не занимаясь организацией работы подчиненных ему прокуроров, Глебов сосредоточил все внимание на деятельности Сената, хозяйственных и финансовых вопросах, подготовке различных узаконений. Именно в этом состояли многочисленные поручения императрицы, которые он исполнял очень оперативно, в считаные дни. Например, по предложению Екатерины II он подготовил специальное узаконение, направленное на борьбу с лихоимством судей и чиновников.

Но вскоре его положение при высочайшем дворе пошатнулось, чему в немалой степени способствовала всплывшая вдруг история с винным откупом в Иркутске. Императрица, услышав о скандальном деле, своим указом приказала «окончить следствие» и взяла его под личный контроль. Глебов, хотя и оставался генерал-прокурором, помешать этому уже не мог. В результате по приговору Сената бывший следователь Крылов был наказан кнутом в Иркутске, а затем отправлен на вечную каторгу. Имение его пошло с молотка, а вырученные деньги раздали «обиженным» им людям. Императрица нашла, что Глебов в этом деле оказался «подозрительным и тем самым уже лишил себя доверенности, соединенной с его должностью». 3 февраля 1764 года он был смещен с поста генерал-прокурора и «переименован» в генерал-поручика с предписанием императрицы «впредь ни на какие должности его не определять».

Тем не менее Екатерина II не склонна была отказываться от толкового, хотя и корыстолюбивого сотрудника. Поэтому

Глебов сохранил за собой должность генерал-кригскомиссара, а в 1773 году даже пожалован в генерал-аншефы. В 1775 году его назначают смоленским и белгородским генерал-губернатором. Но тайное опять становится явным – уже в следующем году ревизия вскрыла серьезные злоупотребления и хищения в Артиллерийской конторе и Главном кригскомиссариате, учиненные во время его руководства, обнаружила недостачу огромных сумм денег, значительного количества сукна и других материалов – всего на полмиллиона рублей (сумма по тем временам фантастическая!). По поручению императрицы была создана специальная следственная комиссия, а в июне 1776 года Глебов был вызван из наместничества в столицу, и тогда же его отстранили от всех должностей «донеже по делам, до него касающихся, решение последует». Александр Иванович оказался под судом и подвергся допросам. Окончательный приговор по делу был утвержден Екатериной II лишь 19 сентября 1784 года. Глебов был признан виновным «в небрежении должности» и исключен из службы. На его многочисленные имения был наложен секвестр. валенный от всех дел, Александр Ивано-

вич проживал либо в своем доме в Москве на Ходынке, либо в подмосковном имении Виноградове. Незадолго до отставки он женился в третий раз – на экономке Дарье Николаевне Франц, бывшей в услужении еще у покойной жены Марии Симоновны. Узнав о женитьбе Глебова на простой женщине, Екатерина II разгневалась: «Поди, совсем свихнулся Александр Иванович, взял в жены кухарку! Отныне чтоб и ноги его при дворе моем не было!»

Умер Глебов в возрасте шестидесяти восьми лет и погребен в своем имении Виноградове. Могилу его украшает такая эпитафия: «В память великому мужу… благоразумием, мудростью, знаниями и бессмертной славой отличавшемуся, преждевременной смертью у отечества похищенному…»

Гаврила Романович Державин (1743–1816)

«…НЕ МОГ СНОСИТЬ РАВНОДУШНО НЕПРАВДЫ…»

Начало каждого нового столетия обычно связано в России с ожиданием реформ, и XIX век здесь не был исключением. Молодой император Александр I отличался честолюбием, в этом ему не уступали деятельные молодые соратники. Их государственное рвение вселяло надежду на дальнейшее укрепление могущества обширной империи, где должны были расцвести науки, культура и искусство. Изменений требовали и судебные структуры – одним из важнейших преобразований стало учреждение в России министерств. Управление судебной частью и обязанности генерал-прокурора передавались в ведение министра юстиции – первым таким министром и стал выдающийся русский поэт Гаврила Романович Державин.

Родился он 3 июля 1743 года в Казани, в мелкопоместной дворянской семье, небогатой, но принадлежащей к старинному роду, основателем которого был служилый человек князя Василия Темного – мурза Багрим, что впоследствии весьма льстило воображению поэта и доставляло ему «любимую поэтическую прикрасу». Один из потомков Багрима, служивший в Казани, получил прозвище Держава, отсюда и пошла фамилия последующих поколений этого рода.

Отец Державина, секунд-майор Роман Николаевич, сначала служил в казанском гарнизоне, потом в Ставрополе и Оренбурге. В январе 1754 года он вышел по болезни в отставку в чине подполковника с обещанием представить его к награждению «полковничьим рангом», но умер в ноябре того же года, когда его старшему сыну Гавриле исполнилось всего одиннадцать лет. Мать Державина, Фекла Андреевна (урожденная Козлова), осталась с двумя сыновьями и дочерью практически без всяких средств к существованию. Державин часто вспоминал о многочисленных хождениях матери с малолетними детьми по судебным учреждениям, о поисках правды и справедливости и отметил потом в своих «Записках»: «Таковое страдание матери от неправосудия вечно оставалось запечатленным на его сердце, и он, будучи потом в высоких достоинствах, не мог сносить равнодушно неправды и притеснения вдов и сирот».

Первое время Гаврила Державин учился дома, потом в частной школе, позже – в Казанской гимназии. Однако бедственное положение семьи не способствовало учебе – в 1762 году пришлось начать службу рядовым лейб-гвардии Преображенского полка. Приписанные к полку дворяне обычно жили на квартирах, но у Державина не оказалось средств, чтобы снять даже самую жалкую комнату, – так и пришлось довольствоваться казармой. Началась тяжелая муштра: фрунтовая служба, смотры, караулы, но и это не все – в промежутках между строевыми учениями приходилось убирать снег на улицах, доставлять провиант, чистить каналы, выполнять различные поручения офицеров.

И все-таки он был поэтом. Первые свои стихи начал сочинять еще в Казани, теперь же все выпадающее свободное время целиком посвящал поэзии. Умение писать не только письма за своих товарищей, но и стихи по всяким поводам сделало его вскоре любимцем всей роты. И это увлечение казалось куда более важным, нежели живая история, – в 1762 году ему, девятнадцатилетнему, вместе со своим полком выпала судьба участвовать в дворцовом перевороте, возведшем на престол жену императора Петра III – Екатерину II.

Но продвижение по службе шло медленно – только спустя десять лет Державин был произведен в прапорщики и еще через год – в подпоручики. Тогда же состоялся его дебют как поэта – в печати появился сначала перевод с немецкого, а потом стихотворение «На всерадостное бракосочетание императорских величеств великого князя Павла Петровича с великой княгиней Натальей Алексеевной». Однако теперь уже не только поэзия увлекала молодого Державина, но и настойчивое желание служить отечеству, в котором вдруг стало неспокойно. В декабре того же года упрямый молодой офицер добился, чтобы его прикомандировали к генерал-аншефу А. И. Бибикову – главнокомандующему войсками, направленными против отрядов Емельяна Пугачева. Державин был послан в Симбирск, там участвовал в боевых действиях, допрашивал плененных повстанцев, даже сам разработал план поимки Пугачева и пытался его осуществить – к сожалению, безуспешно. Лишь в конце 1774 года он вернулся в полк.

Поэтическая судьба его была благополучной. В 1774 году Державин написал несколько великолепных стихотворений – среди них «На великость», «На знатность», «На смерть генерал-аншефа Бибикова». В феврале 1776 года вышла из печати его первая поэтическая книга – «Оды, переведенные и сочиненные при горе Читалагае. 1774 г.».

Получив чин капитана-поручика, Гаврила Романович перешел на статскую службу и в августе 1777 года занял должность экзекутора в первом департаменте Правительствующего сената. Честно проводя расследование беспорядков и нарушений чиновников, добросовестно наблюдая за строительством здания Сената, Державин сумел завоевать доверие своего непосредственного начальника, генерал-прокурора князя А. А. Вяземского. По обычаю своего времени тот устраивал дома что-то вроде литературного салона, и здесь молодой поэт пришелся как нельзя кстати.

Гаврила Романович близко сошелся с сенатским обер-секретарем Александром Васильевичем Храповицким, будущим статс-секретарем императрицы, а еще с экзекутором второго департамента Осипом Петровичем Козодавлевым, будущим министром внутренних дел. Именно у него в доме Державин страстно влюбился в семнадцатилетнюю смуглую красавицу – Екатерину Яковлевну Басгидон, дочь кормилицы великого князя Павла Павловича. 18 апреля 1778 года состоялась свадьба. В поэзию Державина любимая жена вошла под именем Плениры.

В декабре 1780 года Державин стал советником в Экспедиции о государственных доходах, которая находилась в ведении генерал-прокурора. В июне 1782 года его повышают до статского советника, но подлинную славу принесло ему вовсе не это, а появление в мае следующего года знаменитой «Фелицы». Ода, посвященная Екатерине II, так понравилась ей, что, расчувствовавшись, императрица даже прислала поэту золотую табакерку и 500 червонцев. Но карьера не заладилась – отношения Державина с генерал-прокурором Вяземским к тому времени настолько испортились, что пришлось выйти в отставку в чине действительного статского советника. К этому времени имя поэта Державина уже гремело по всей России. Некоторое время после отставки Державин отдыхал в Нарве, писал стихи, переводил, здесь же завершил свою знаменитую оду «Бог», которая позже была напечатана в «Собеседнике».

По возвращении в столицу он узнает неожиданную новость – императрица делает его олонецким губернатором, указ о назначении вышел 23 мая 1784 года. Державин пробыл в Олонецкой губернии менее года, но и за это время успел немало – открыть больницу, установить таможню на границе со шведской Лапландией, пресечь крестьянские беспорядки, издать распоряжение против самосожжения раскольников и затеять много других полезных начинаний. Однако у медали была и другая сторона. У Державина непросто складываются отношения с генерал-губернатором Тутолминым. Открытый, правдолюбивый поэт

пришелся явно не по душе заносчивому и честолюбивому вельможе, не терпевшему возражений и пререканий. Тутолмин начал жаловаться.

Императрица вызвала Державина к себе и, пожурив для порядка, предложила новую должность. 15 декабря 1785 года он был поставлен тамбовским губернатором и прослужил в Тамбове почти три года. Здесь он тоже энергично принялся за преобразования: открыл народное училище, театр, учредил губернскую газету, навел порядок в присутственных местах, добился исправности в сборе податей и недоимок, отремонтировал старые и возвел немало новых зданий. Еще он добился значительного улучшения состояния местной тюрьмы – там были устроены кухня и лазарет, некоторых колодников отпустил «по распискам и поручительствам», рассадил всех заключенных «по особым номерам, по мере их вин и преступлений». В расследование преступлений Державин всегда вникал лично, особенно пресекал злоупотребления полиции. В 1786 году за свою службу он даже получил орден Святого Владимира III степени, однако административная деятельность всегда приносила поэту больше огорчений, чем радости. Так случилось и на этот раз. Вскоре у Державина возникла серьезная стычка с генерал-губернатором Гудовичем по делу тамбовского купца Бородина, который обкрадывал казну да вздумал еще учинить мошенничество, ложно объявив о банкротстве. Державин мириться с этим не мог и своей властью наложил арест на имущество купца. Генерал-губернатор встал на защиту Бородина и направил в Сенат рапорт о самоуправстве Державина, прося «удалить» его из губернии. Дело закончилось тем, что Державин был отозван из губернии и отдан под суд Правительствующего сената. В конце концов, благодаря заступничеству князя Г. А. Потемкина, которому он посвятил оду «Победитель», Державин был оправдан, но все же в августе 1789 года уволен в отставку.

В декабре 1791 года Гаврила Романович наконец-то получил место кабинет-секретаря ее императорского величества Екатерины II. Он готовил для нее еженедельные доклады по сенатским приговорам. Дела всегда изучал серьезно и скрупулезно, так что никакого отступления от законов не допускал. Его замечания нередко шли вразрез с мнением генерал-прокурора, не всегда они нравились и самой императрице, которой правдивость поэта довольно быстро наскучила, и она предложила обращаться с замечаниями не к ней, а к обер-прокурорам Сената.

В сентябре 1793 года Гаврила Романович был награжден орденом Святого Владимира II степени, чином тайного советника и назначен сенатором по межевому департаменту. С 1 января 1794 года Державин одновременно становится президентом Коммерц-коллегии.

15 июля 1794 года его постигло тяжелое горе – умерла жена Екатерина Яковлевна. Поэт горько оплакивал свою незабвенную Плениру. Он долго был «погружен в совершенную горесть и отчаяние». Державин писал тогда И. И. Дмитриеву: «…теперь для меня сей свет совершенная пустыня».

В 1795 году Гаврила Романович вступил в новый брак – с девицей Дарьей Алексеевной, дочерью обер-прокурора Дьякова, «Миленой», как он любил называть ее в стихах. С ней он прожил до конца своих дней.

При Павле I Державин оставался сенатором и был назначен правителем канцелярии Совета при его императорском величестве. Однако не прошло и месяца, как последовал указ: «Тайный советник Таврило Державин, определенный правителем канцелярии нашего Совета, за непристойный ответ, им пред нами учиненный, отсылается к прежнему месту». «Непристойный ответ» заключался в том, что Державин посмел спросить императора, кем он должен быть в Совете – присутствующим или только начальником канцелярии.

До 1800 года он оставался сенатором, выполняя различные поручения, в числе которых была поездка в Могилевскую губернию, где он разбирался с жалобой некоего Зорича. Затем был уполномоченным в Белоруссии по борьбе с голодом и получил после возвращения чин действительного тайного советника и почетный командорский крест Мальтийского ордена.

Вновь возглавлял Коммерц-коллегию, был государственным казначеем и членом Императорского совета. В 1801 году ему был вручен орден Святого Александра Невского. В 1801–1802 годах командирован в Калугу для производства следствия о злоупотреблениях губернатора Лопухина.

8 сентября 1802 года император Александр I подписал Манифест, в котором сообщалось: «Мы заблагорассудили разделить государственные дела на разные части, сообразно естественной связи между собою, и для благоуспешнейшего течения поручить оные ведению избранным министрам…» В тот же день последовал высочайший указ Правительствующему сенату: «Министром Юстиции или Генерал-Прокурором повелеваем быть Действительному Тайному Советнику Державину, предоставляя впредь назначить ему Товарища». Спустя несколько дней Державин был приведен к присяге. В конце сентября он одновременно стал членом Непременного совета, а в ноябре того же года еще и членом Еврейского комитета.

В должности министра юстиции беспокойный Гаврила Романович прослужил один год и, как сам писал, всегда шел «по стезе правды и законов, несмотря ни на какие сильные лица и противные против него партии», «держась сильно справедливости, не отступал от нее ни на черту, даже в угодность самого императора». Он действительно не стеснялся открыто выражать свое несогласие со многими его преобразованиями, резко и открыто порицал молодых советников императора.

Трудился он много и неустанно. Ежедневно, с утра до вечера, посвящал все свое время исполнению разнообразных служебных обязанностей: поездкам во дворец с всеподданнейшими докладами, участию в заседаниях Сената и Комитета министров, «объяснениям» с обер-прокурорами, приему посетителей. Ездил в Сенат даже в воскресенье и праздничные дни – посмотреть целые кипы бумаг и написать заключения. Как генерал-прокурор он пытался противостоять приему в высшие государственные органы лиц по «происками, взяткам и рекомендациям», с этой целью добился принятия указа о том, чтобы на высокие должности отбирались лучшие чиновники из губерний. Долго и упорно разрабатывал проект закона о третейском совестном суде, который отослал «на отзыв» и «для примечания» известным юристам, получив благожелательные отклики. Александру I проект закона также понравился, но так и не был принят.

Занимая должность министра юстиции и одновременно генерал-прокурора, Державин, как обычно, старался не допускать «утеснения сильной стороне людей бессильных». Он умело подбирал себе толковых, талантливых сотрудников. Например, обер-прокурором третьего департамента Сената назначил тридцатилетнего Дмитрия Осиповича Баранова, окончившего Московский благородный пансион. Он совершил несколько успешных инспекционных поездок, активно занимался и литературной деятельностью, общался с А. С. Пушкиным. Его репутация была безукоризненной.

Обер-прокурор Сената князь А. Н. Голицын так писал о нем: «В минуту желчи гений блестел в его глазах; тогда с необыкновенной проницательностью он охватывал предмет; ум его был вообще положителен, но тяжел; память и изучение законов редкая; но он облекал их в формальности до педантизма, которым он всем надоедал. Олицетворенную честность и правдивость его мало оценивали, потому что о житейском такте он и не догадывался, хотя всю службу почти был близок ко Двору».

Добиваясь справедливости, Державин резко выступал против многих министров и сенаторов, чем нажил себе немало врагов. Вскоре по этой причине положение Державина стало неустойчивым. Александр I также быстро охладел к поэту. Отставка не заставила себя ждать. На прямой вопрос генерал-прокурора, за что его увольняют, император ответил: «Ты очень ревностно служишь». – «А как так, государь, – не согласился Державин, – то я иначе служить не могу. Простите». 8 октября 1803 года император подписал указ – Державин был

уволен со службы с пожалованием ему 10 тысяч рублей ежегодного пенсиона. Сорокалетняя служба Гаврилы Романовича на военном и государственном поприще завершилась.

Недруги ликовали. Появились пасквили и эпиграммы вроде следующей: «Ну-ка, брат, певец Фелицы, на свободе от трудов и в отставке от юстицы наполняй бюро стихов. Для поэзьи ты способен, мастер в ней играть умом, но за то стал неугоден ты министерским пером…»

Вряд ли отставка сильно огорчила поэта – теперь он всецело посвятил себя литературному труду. Зимнее время проводил в Петербурге, а на лето отправлялся в Званку – свое имение на берегу Волхова, верстах в пятидесяти пяти от Новгорода. В знаменитом стихотворении «Евгению. Жизнь Званская» он красочно изобразил, насколько сельская жизнь ему милее дворцовых интриг. Писал он и лирические стихотворения, и драматические произведения («Добрыня», «Пожарский, или Освобождение Москвы»); трагедии («Ирод и Мариамна», «Евпраксия», «Темный»), комические оперы («Дурочка умнее умных», «Рудокопы»). Работал над сборником афоризмов «Мысли мои», над философско-политическими статьями, занимался переводами. В 1804 году Державин писал Капнисту: «Скажу вам о себе: я очень доволен, что сложил с себя иго должности, которое меня так угнетало, что я был три раза очень болен».

Казалось бы, что государственные дела, которыми он с такой горячностью занимался долгое время, его уже не интересуют. Но это было не совсем так. Гаврила Романович называл себя «отставным служивым» и считал обязанным изредка напоминать о себе. В 1807 году он написал Александру I две записки, в которых прозорливо усмотрел опасность для России со стороны Наполеона и предлагал меры по «укрощению наглости французов» и как «оборонить Россию от нападения

Бонапарта». Об этом же он говорил с императором и при личной встрече. И снова император выслушал его благосклонно, но в очередной раз быстро охладел к его идеям.

Знавший Державина в первые годы после отставки литератор С. Жихарев (впоследствии московский губернский прокурор) вспоминал: «С именем Державина соединено было в моем понятии все, что составляет достоинство человека: вера в Бога, честь, правда, любовь к ближнему, преданность государю и Отечеству, высокий талант и труд бескорыстный…», «Это не человек, а воплощенная доброта, но чуть только коснется до его слуха какая несправедливость и оказанное кому притеснение или, напротив, какой-нибудь подвиг человеколюбия и доброе дело – тотчас оживится, глаза засверкают и поэт превращается в оратора, поборника правды…»

Считая себя обязанным заступаться за невинно осужденных, обиженных и угнетенных, Державин щедро одаривал нищих и дворовых деньгами, покупал для неимущих крестьян коров и лошадей, давал им хлеб, строил новые избы. У себя в Званке он построил больницу для крестьян и даже выслушивал отчеты врача, являвшегося к нему ежедневно.

В 1808 году вышли первые четыре тома сочинений Державина. В 1809–1810 годах он диктовал свои «Объяснения на сочинения Державина», ставшие, по существу, его автобиографией. В 1812–1813 годах, в разгар Отечественной войны, работал над «Записками», в которых подробно рассказал о своей служебной деятельности.

Скончался Державин 8 июля 1816 года в любимой Званке и был погребен в приделе Архангела Гавриила в Преображенском соборе Хутынского монастыря Новгородской губернии. После Великой Отечественной войны прах его и жены перенесли в Новгород и вновь предали земле – в кремле, у Софийского собора.

Александр Николаевич Радищев (1749–1802)

«…Душа моя страданиями человечества уязвленна стала…»

В мае 1790 года на Суконной линии Гостиного Двора столицы, в лавке купца Зотова, появилась книга небольшого формата в мягком переплете. Называлась она скромно и непритязательно – «Путешествие из Петербурга в Москву». В лавке было не более пятидесяти экземпляров, продавалась книга всего две не дели, но этого оказалось достаточным, чтобы о ней заговорил весь Петербург. Один экземпляр купил камер-паж Екатерины II Балашов – так «Путешествие» попало к императрице. Уже первая страница сочинения неприятно поразила ее. Автор писал: «Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвленна стала. Обратил взоры мои во внутренность мою – и узрел, что бедствия человека происходят от человека, и часто от того только, что он взирает непрямо на окружающие его предметы…»

Чем дальше вчитывалась в книгу государыня, тем все больше раздражалась. Автор смело и жестко обличал российские порядки, писал о тяжелом положении крепостных крестьян, злоупотреблениях помещиков, разврате и роскоши, в которых погрязли вельможи, о корыстолюбии и взяточничестве судей, произволе чиновников и других язвах общества. Более того – он недвусмысленно намекал на вторую пугачевщину, если крепостное право не будет отменено, и даже сам предлагал проект освобождения крестьян, причем обязательно с землей. Хлесткие, обличительные страницы книги напугали императрицу, которая заявила, что автор «наполнен и заражен французским заблуждением, ищет всячески и выискивает все возможное к умалению почтения к власти, к приведению народа в негодование против начальства». «Сочинитель книги – бунтовщик, хуже Пугачева!» – воскликнула она и тут же распорядилась отыскать автора, чтобы провести расследование. Так начался один из самых трагичных политических процессов в России конца XVIII столетия.

Автор дерзкой книги Александр Николаевич Радищев происходил из дворянского рода, имеющего, по преданию, татарские корни. Известно, что дед писателя, Афанасий Прокофьевич, служил в «потешных войсках» молодого Петра I, а затем стал денщиком императора. Своему сыну Николаю Афанасьевичу он дал прекрасное воспитание и образование. Николай знал несколько иностранных языков, прекрасно разбирался в богословии, истории, серьезно изучал сельское хозяйство. Отличался добротой и мягкостью в обращении со своими крепостными крестьянами (а их было у него две тысячи человек), за это они и укрыли барина от проходивших через село войск Емельяна Пугачева. Николай Афанасьевич был женат на Фекле Аргамаковой, от брака имел семерых сыновей и трех дочерей.

Один из его сыновей, Александр Николаевич Радищев, родился 20 августа 1749 года в Москве. Детские годы его прошли в подмосковном имении отца, селе Немцове, а затем в саратовской вотчине родителей, селе Верхнем Аблязове. Здесь же он узнал и первые азы грамоты. В 1756 году его привезли в Москву, к родному дяде по материнской линии – Михаилу Федоровичу Аргамакову, человеку достаточно просвещенному. Его родной брат был куратором Московского университета, поэтому интересные люди часто бывали в их доме. Они-

то и давали уроки жизни юному Александру. В семье Аргамаковых любили острые беседы и споры по вопросам политики, литературы, науки. Радищев с жадностью ко всему прислушивался.

В Москве Радищев прожил до 1762 года, а после коронации Екатерины II был зачислен в Петербургский пажеский корпус и отправлен в Северную столицу. Пажеский корпус, организованный по французскому образцу еще в царствование Елизаветы Петровны, считался тогда лучшим российским учебным заведением. С 1765 года преподаванием и воспитанием юношей занимался известный историк и археограф академик Г. Ф. Миллер, который главным в обучении считал прежде всего выработку нравственных принципов. В числе учебных дисциплин были такие, как «право естественное и всенародное», «церемониалы». Пажам приходилось постоянно бывать при высочайшем дворе, где они прислуживали за столом. В корпусе Радищев пробыл четыре года.

В 1766 году двенадцать отличившихся в учебе молодых дворян были посланы в Лейпцигский университет для изучения различных наук, главным образом юридических. Среди них оказался и Радищев. В качестве инспектора к студентам был приставлен некий майор Бокум, человек мелочный, жестокий, придирчивый, да еще и нечистый на руку. Несмотря на то что из казны отпускалось до одной тысячи рублей в год на каждого студента, юноши жили впроголодь, в сырых квартирах, даже учебные пособия вынуждены были покупать на деньги, присланные родителями. С обязанностями воспитателя Бокум тоже не справлялся, и молодые люди вели довольно разгульный образ жизни. Радищев заметно выделялся среди товарищей своими способностями и прилежанием. Он серьезно изучил юриспруденцию, получил основательные знания по химии и медицине, великолепно знал французский, немецкий и латинский языки. Хотя свободного времени оставалось мало, прочел множество книг, особенно его увлекли произведения французских философов и просветителей К. Гельвеция, Г. Мабли, Ж.-Ж. Руссо, П. Гольбаха.

В ноябре 1771 года Александр Радищев вернулся в Петербург. Первая его чиновничья должность – протоколист первого департамента Правительствующего сената, а чин – титулярный советник. Этот департамент, которым руководил непосредственно генерал-прокурор князь А. А. Вяземский, ведал вопросами административного управления, руководил торговыми и таможенными конторами, заслушивал отчеты Иностранной коллегии. На него был возложен также контроль за исполнением законов местными властями. Чиновники департамента занимались самыми разнообразными вопросами: правовыми, экономическими, торговыми, таможенными, рассматривали челобитные, поступающие от частных лиц. Этому департаменту была подчинена и Тайная экспедиция, в застенки которой впоследствии попадет и сам Радищев. В обязанности Радищева входила подготовка материалов к заседаниям Сената и составление так называемых экстрактов по делам, то есть краткого изложения существа дела.

Служба в Сенате оказалась непродолжительной. В 1773 году Радищев становится обер-аудитором (дивизионным прокурором) штаба Финляндской дивизии, командовал которой граф Я. А. Брюс. Главная обязанность обер-аудитора заключалась в наблюдении за грамотным отправлением правосудия кригерехтами, то есть полковыми судьями, среди которых знающих юристов практически не было. Известно, что Радищев очень внимательно относился к приговорам полковых судов, а когда надо было – даже поправлял их. Например, он добился смягчения смертного приговора трем солдатам, вынесенного за убийство, совершенное в пьяной драке.

Военная служба дала ему возможность познакомиться со многими неприглядными сторонами действительности: с делами о беглых рекрутах и злоупотреблениях помещиков, с приказами Военной коллегии, с некоторыми материалами о Пугачевском восстании, кото-

рое было в самом разгаре. Тем не менее военная служба не пришлась по душе Радищеву, и в марте 1775 года он пишет рапорт об отставке.

В том же году Александр Николаевич женился на дочери члена придворной конторы Анне Васильевне Рубановской. Средств на содержание семьи не хватало, и в 1776 году Радищев вынужден был снова поступить на службу, на этот раз в Коммерц-коллегию. Президентом ее был граф А. Р. Воронцов, который искренне полюбил умного, дисциплинированного чиновника и с тех пор навсегда остался его надежным другом и покровителем. На новом месте Радищеву пришлось не только в полной мере использовать свои юридические познания, но и глубже изучить торговое законодательство. По словам сына писателя, Николая Александровича, Радищев «показывал непреклонную твердость характера в защите правовых дел».

В 1780 году Радищев становится помощником управляющего Петербургской таможней, которым был тогда Даль. Постоянные деловые отношения с иностранцами, прежде всего с англичанами, заставили Александра Николаевича основательно изучить теперь еще и английский язык. Добросовестный Радищев, по существу, тянул все дела, так как управляющий оставил за собой лишь ежемесячные доклады императрице. Радищев был одним из самых честных и неподкупных сотрудников таможни – решительно избавлялся от нечистых на руку казнокрадов и взяточников, активно боролся с контрабандой. За грамотную разработку таможенного тарифа удостоился награды – бриллиантового перстня.

В 1783 году умерла жена Радищева, Анна Васильевна, оставив неутешному супругу троих сыновей и дочь. Воспитанием детей и ведением домашнего хозяйства пришлось заняться ее сестре, Елизавете Васильевне Рубановской. На службе все складывалось удачно – в сентябре 1785 года Александр Николаевич получает орден Святого Владимира IV степени и чин надворного советника, в 1790 году его производят в коллежские советники и назначают управляющим Петербургской таможней.

Но было у него и любимое занятие – все свободное время Александр Николаевич посвящал литературному труду. Первым напечатанным его сочинением был перевод книги французского коммуниста-утописта Г. Мабли «Размышления о греческой истории», вышедшей в 1773 году, которую Радищев снабдил собственными весьма интересными примечаниями. Писал он много и упорно, но не торопился издавать свои произведения, тем более что некоторые из них явно не прошли бы цензуру. Им был написан «Дневник одной недели», выдержанный в традициях сентиментализма и опубликованный в 1811 году, уже после смерти писателя. В 1783 году была создана знаменитая ода «Вольность», позже частично напечатанная в книге «Путешествие из Петербурга в Москву», а до этого ходившая в рукописи. В 1789 году вышла из печати книга о безвременно умершем в Лейпциге талантливом друге «Житие Федора Васильевича Ушакова». В ней автор описывает жизнь русских студентов за границей, рассказывает об их тесном кружке, размышляет о дуэлях, которые почеловечески осуждает, посвящает читателя и в некоторые других предметы дружеских споров. В 1790 году вышла еще одна книга: «Письмо другу, жительствующему в Тобольске», написанная по поводу открытия памятника Петру Великому в Петербурге и наполненная раздумьями о деятельности императора.

Радищев работал в то время и над произведениями на юридические темы. По свидетельству его сыновей, Александром Николаевичем была написана история российского Сената, впоследствии им самим же уничтоженная. Его перу принадлежит также трактат «О законодавстве».

В 1784 году Радищев вступил в «Общество друзей словесных наук», куда входили бывшие воспитанники университета, люди передовых убеждений. Общество издавало журнал «Беседующий гражданин», в нем обсуждались вопросы политической деятельности граждан, их права и обязанности по отношению к государству. Здесь в 1789 году Радищев опуб-

ликовал статью «Беседа о том, что есть сын Отечества». После ареста Радищева деятельность общества была запрещена полицией, а многие его участники подверглись различным репрессиям: лишились своих должностей или были высланы из столицы.

С середины 1780-х годов Радищев усиленно работает над своим основным трудом – книгой «Путешествие из Петербурга в Москву». В собственноручных объяснениях, данных впоследствии в Тайной экспедиции, Радищев подробно рассказал, как у него возникла мысль написать такую смелую книгу. Работая в таможне, он часто покупал различные «коммерческие книги». Однажды ему попалась в руки «Философская и политическая история учреждений и торговли в обеих Индиях» французского историка и социолога Г. Рейналя. В ней автор остро критиковал феодально-абсолютистские порядки. Слог книги, высокопарный стиль, дерзновенные выражения – все понравилось Радищеву. Вот и ему захотелось создать нечто подобное, но на российском материале. Сначала он задумал написать повесть о крестьянах, проданных с торгов. Затем, прочитав книгу немецкого писателя и философа И. Гердера, набросал несколько страниц о тисках русской цензуры. Но все это осталось незаконченным, ему никак не удавалось найти яркую форму подачи накопленного материала. Лишь после того, как Радищев прочитал книгу Л. Стерна «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии», у него окончательно созрела идея «Путешествия из Петербурга в Москву». В конце 1788 года книга была закончена и представлена в Управу благочиния на цензуру. Поразительно, но дозволение печатать было получено.

В январе 1790 года Александр Николаевич оборудовал собственную типографию и отпечатал тираж – 650 экземпляров, из которых разошлось около ста, часть из которых он просто роздал своим знакомым. Имя на обложке указано не было, поэтому полиция не сразу вычислила автора. Розыском занимался петербургский обер-полицмейстер Н. И. Рылеев, виновный в том, что неосторожно и необдуманно написал резолюцию: «Печатать дозволено». В поле зрения полицейских сразу же попал купец Зотов, а через него вышли на И. К. Шнора, который продал Радищеву печатный станок. 23 июня 1790 года Шнор дает Рылееву краткие показания и указывает на Радищева как автора книги.

30 июня 1790 года в дом Радищева явился дежурный полицейский офицер Горемыкин. Он арестовал Александра Николаевича и доставил его к санкт-петербургскому главнокомандующему графу Брюсу, у которого Радищев некогда служил. Вскоре здесь же появился человек, посланный начальником Тайной экспедиции С. И. Шешковским. О деятельности тайной полиции Радищев был хорошо наслышан и сразу понял, с кем ему придется иметь дело. От графа Брюса Радищев был препровожден в Петропавловскую крепость. В ордере на имя коменданта крепости генерал-майора Чернышева предписывалось содержать писателя в «обыкновенном месте», никого к нему не допуская. Предлагалось также строго выполнять все наставления «господина действительного статского советника и кавалера Шешковского».

Свои первые показания Александр Николаевич Радищев дал Шешковскому 1 июля 1790 года. Вначале вопросы были самые безобидные: где жил, кто у него духовный отец, когда был на исповеди и у Святого причастия.

Мог ли предполагать Радищев, что попадет в руки беспощадного царского «кнутобойца» Шешковского? Ведь «Путешествие из Петербурга в Москву» беспрепятственно прошла цензуру. Конечно, Рылеев сам книгу не читал, но его подчиненные наверняка знали ее содержание. Возможно, Радищев полагал, что книга может попасть в разряд запрещенных, что ее могут даже изъять из продажи – но то, что произошло с ним, он вряд ли мог предвидеть. Разразившаяся над ним гроза была столь яростной, что он предпринял отчаянный шаг – накануне ареста сжег все оставшиеся у него экземпляры книги. Сжег собственными руками выстраданную и только что отпечатанную книгу!

Материалы судебного дела писателя, опубликованные Д. С. Бабкиным в книге «Процесс А. Н. Радищева», подтверждают, что Александр Николаевич держался во время следствия и суда исключительно мужественно. Он оказался лицом к лицу с одним из самых верных царских сыщиков – Шешковским, человеком хитрым и коварным, когда нужно – льстивым и покладистым, наделенным огромной властью, в том числе правом применения пыток, через руки которого прошли сотни важных «государственных преступников». И поэтому вынужден был выработать свою тактику поведения на следствии – отсюда все те подобострастные выражения в адрес императрицы, названной «мудрой» и «добродетельной». Можно ли считать это слабостью, если после смерти жены на нем лежала ответственность за четверых малолетних детей, старшему из которых было всего двенадцать лет? Сын Радищева, Павел Александрович, вспоминал, что, когда дело о книге приняло дурной оборот, писатель имел возможность избежать ареста, скрывшись за границу, но отказался, боясь подвергнуть свое семейство полицейскому произволу, и «лучше решился пожертвовать собою для их безопасности».

С 1 по 7 июля 1790 года Шешковский три раза допрашивал Радищева. Писатель признал свою вину и все же, называя свою книгу «пагубной», а выражения в ней «дерзновенными» и «неприличной смелости», тем не менее не отказался ни от одной своей строчки. На допросах он твердо повторял, что все написанное – истинная правда.

Императрица Екатерина II, напуганная вольнодумством, пошла на беспрецедентный шаг – лично написала замечания на книгу Радищева, превратив их в своеобразный обвинительный акт. Шешковскому пришлось немало потрудиться и составить из ее замечаний 29 вопросов, которые можно разделить на три группы. Пять первых касаются написания, печатания и продажи книги. Во вторую группу, самую обширную, вошли 18 вопросов по содержанию книги. И наконец, третья группа – вопросы относительно личности самого автора.

По поводу пронзительной главы «Зайцово» Шешковский задал Радищеву пять вопросов. Эти потрясающие страницы «Путешествия», обнажившие самые дикие издевательства помещиков над своими крепостными, Екатерина II в своих замечаниях назвала всего лишь «выдуманной сказкой». Она писала: «Ежели кто учинит зло, дает ли то право другому творить наивящее зло?» Поэтому Шешковский спрашивает Радищева: «Начиная со стр. 131 ПО 139-ю какая нужда была вводить вам происшествие в рассуждение учиненного господскими детьми над их девкою насилия, зная, что один пример на всех относиться не может?» Радищев ответил: «Описывая сей дурной поступок, думал я, что он может воздержать иногда такого человека, который бы захотел поступать так дурно; однако ж кто б это делал, того он доказать не может, а писал сие по сродной человеку слабости, чая от таких дурных поступков воздержать».

Особенно возмутила императрицу ода «Вольность», вошедшая в главу «Тверь». Она интересуется: «Сии страницы суть криминального намерения, совершенно бунтовские, о сей оды спросить сочинителя, в каком смысле и кем сложена». Шешковский именно так и поступил, Радищев же на это ответил: «Ода сия почерпнута из разных книг, и изъявленные в ней картины взяты с худых царей, каковых история описует… Признаюсь, однако ж, от искреннейшего сердца и в душевном сокрушении, что ода сия наидерзновеннейшая… Намерения при составлении оды не имел иного, как прослыть смелым сочинителем; теперь вижу ясно, сколь много в ней безумного, пагубного и гнусного и, словом, такого, чего бы мне никогда писать не надлежало».

Сильнее всего волновал императрицу вопрос о сообщниках. В своих замечаниях она опасается, что Радищев «себя определил быть начальником, книгою ли или инако исторгнуть скиптра из рук царей, но как сие исполнить един не мог, показываются уже следы, что несколько сообщников имел; то

надлежит его допросить, как о сем, так и о подлинном намерении, и сказать ему, чтоб он написал сам, как он говорит, что правду любит, как дело было; ежели же не напишет правду, тогда принудит меня сыскать доказательство и дело его сделается дурнее прежнего». Шешковский, конечно, не преминул спросить Радищева и об этом, но тот решительно отверг все подозрения.

После того как Радищев ответил на «вопросные пункты», его еще несколько раз допрашивали в Тайной экспедиции. Там ему пришлось более подробно рассказать о своей жизни, семье, родственниках, имущественном положении. Екатерина II внимательно следила за ходом следствия и не намерена была его затягивать. 13 июля 1790 года она направила указ графу Брюсу о передаче дела Радищева Палате уголовного суда в Петербурге. Одновременно распорядилась, чтобы книга Радищева «нигде в продаже и напечатании здесь не была», грозя в противном случае наказанием.

По поручению императрицы статс-секретарь Безбородко дополнительно сообщил Брюсу, в каком порядке дело должно слушаться в Палате уголовного суда. Палате предлагалось выяснить у Радищева лишь четыре вопроса: 1) он ли сочинитель книги; 2) в каком намерении сочинил ее; 3) кто его сообщники; 4) чувствует ли важность своего преступления. Делу опасались дать широкую огласку, поэтому подробности, относящиеся к содержанию книги, Палате уголовного суда обсуждать не полагалось, а материалы следствия, произведенного в Тайной экспедиции, в суд не направлялись. Вместе с указом в палату был передан только один экземпляр книги. От себя Брюс добавил, чтобы при чтении указа в суде даже не присутствовали канцелярские служащие.

Для вынесения Радищеву смертного приговора Палате уголовного суда хватило десяти дней – это произошло 24 июня 1790 года. Приговор составлен пространно, но даже для того времени довольно примитивно. Вначале в нем дословно воспроизводится указ императрицы, определение о порядке ведения суда, вопросные пункты и ответы на них писателя, показания некоторых свидетелей, сведения о службе Радищева, ссылки на статьи законов и тому подобное. Приговор заканчивался так: «За сие его преступление Палата мнением и полагает, лишив чинов и дворянства, отобрав у него знак ордена Святого Владимира IV степени… казнить смертию, а показанные сочинения его книги, сколько оных отобрано будет, истребить».

Пока шло следствие в Тайной экспедиции, пока дело рассматривалось в Палате уголовного суда, нервы Радищева были напряжены до предела – он совершенно не мог спать. Противоборство с Шешковским отнимало у него последние силы. В одном из писем Александр Николаевич заметил, что разум его был «в не действие почти приведенный». Тем не менее дух его не был сломлен.

Шешковский, как и многие судейские того времени, был бессовестным мздоимцем. Свояченица Радищева Елизавета Васильевна Рубановская, распродав кое-что из имущества, почти каждый день передавала Шешковскому подарки и справлялась о здоровье Александра Николаевича. Изредка удавалось передать ему и записочку. Камердинер Козлов привозил обычно от Шешковского лаконичный ответ: «Степан Иванович приказал кланяться; все, слава богу, благополучно, не извольте беспокоиться». Однажды для Радищева в его мрачном заточении блеснул луч света. Подкупленный подарками, Шешковский разрешил ему увидеться с Елизаветой Васильевной и одним из сыновей. Семья Радищева жила в то время на даче, на Петровском острове. Рубановская, наняв лодку, взяла с собой его старшего сына и отправилась в крепость на свидание с Александром Николаевичем.

Приговор был объявлен Радищеву сразу же после его вынесения. В завещании детям, написанном 25 июля, и дополнении к нему от 27 июля видно, в каком тяжелом состоянии ожидал писатель решения своей участи. Нависшая угроза была столь реальной, что нельзя было не понять, какие суровые испытания могут выпасть на его долю. И когда смертный

приговор был объявлен, у него, как выдох, вырвалось одно потрясающее слово, которым он начал свое завещание: «Свершилось!» Нельзя без волнения читать эти наполненные душевной болью страницы: «Ах, можете ли простить несчастному вашему отцу и другу горесть, скорбь и нищету, которую он на вас навлекает? Душа страждет при сей мысли необычайно и ежечасно умирает. О, если б я мог вас видеть хотя на одно мгновение, если бы мог слышать только радостные для меня глаголы уст ваших, о, если б я слышать мог из уст ваших, что вы мне отпускаете мою вину… О, мечта!» В своем завещании Радищев наставляет детей, дает распоряжение об имуществе, проявляет заботу о дворовых, отпуская их на свободу.

В заточении, борясь с отчаянием и безысходностью, Радищев все-таки находит в себе силы заниматься литературным трудом. В крепости он пишет повесть «Филарет Милостивый». Пишет долгими бессонными ночами, в перерывах между допросами. Свою рукопись он передает Шешковскому с просьбой переслать ее детям.

После скорого суда началось рассмотрение дела в Правительствующем сенате. Оно слушалось там 31 июля, 1 и 7 августа 1790 года. Сенат не мог сказать по делу ничего нового – в вынесенном определении пришлось почти дословно повторить приговор Палаты уголовного суда, переставив лишь некоторые фразы. Сенат подтвердил приговор суда о лишении Радищева чинов, дворянства, ордена и о назначении ему наказания в виде смертной казни. Определение Сената было направлено на Высочайшую конфирмацию, то есть на утверждение императрицы. 11 августа ей доложили о деле Радищева. По свидетельству ее секретаря Храповицкого, она приказала рассмотреть это дело еще и в Императорском совете. 19 августа Совет вынес краткое решение, опять-таки ничего не изменив ни в приговоре суда, ни в определении Сената.

Так в деле Радищева была поставлена последняя официальная точка. Решение Совета поступило к Екатерине II, и 4 сентября она подписала указ Сенату об окончательном решении по делу. В нем указывалось: «…последуя правилам Нашим, чтоб соединять правосудие с милосердием для всеобщей радости, которую верные подданные Наши разделяют с Нами в настоящее время, когда Всевышний увенчал Наши неусыпные труды во благо империи, от Него нам вверенной вожделенным миром с Швецией, освобождаем его от лишения живота и повелеваем вместо того, отобрав у него чины, знаки ордена Святого Владимира и дворянское достоинство, сослать его в Сибирь в Илимский острог на десятилетнее безысходное пребывание. Имение же его, буде у него есть, оставить в пользу детей его, которых отдать на попечение деда их».

Родственникам Радищева о решении императрицы стало известно из уст подполковника Горемыкина – того самого, который арестовал писателя. Елизавета Васильевна, столь много сделавшая для него и его детей, узнав о приговоре, разрыдалась. Спустя некоторое время эта мужественная женщина последует за Радищевым в Сибирь вместе с его детьми, Катей и Павлом. Там она станет его женой, разделит с ним все тяготы изгнания и умрет в дороге, при возвращении Радищева из ссылки.

8 сентября 1790 года Радищева доставили в губернское правление и официально объявили о ссылке в Илимский острог, находившийся недалеко от Иркутска. Писателя заковали в цепи и под «крепчайшей стражею» отправили в Сибирь. Александру Николаевичу не дали даже проститься с родными. Друг и благодетель граф А. Р. Воронцов, желая хоть как-то облегчить участь Радищева, выделил триста рублей для покупки ему всего необходимого, но даже он не знал точной даты отправления. Когда ему стало известно, что писателя, закованного в ручные и ножные кандалы, отправили в Сибирь без теплой одежды, лишь накинув на него «гнусную нагольную шубу», взятую у какого-то солдата, возмущению его не было предела. Благодаря активному вмешательству Воронцова вдогонку арестанту был отправлен курьер с повелением императрицы снять у Радищева оковы с ног. Поскольку путь арестанта лежал через Тверь, Воронцов написал письмо губернатору Осипову, прося его оказать

писателю всяческую помощь, и выслал деньги на покупку теплых вещей. Осипов выполнил просьбу Воронцова, но 2 октября 1790 года сообщил графу, что, по имеющимся у него сведениям, Радищев довезен до Москвы в «весьма слабом здоровье».

По дороге в Илимский острог и обратно Радищев вел дневник, записывая путевые впечатления и размышления. Им написано проникновенное стихотворение: «Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду? – /Я тот же, что и был и буду весь мой век: /Не скот, не дерево, не раб, но человек! /Дорогу проложить, где не бывало следу, /Для борзых смельчаков и в прозе и в стихах, /Чувствительным сердцам и истине я в страх /В острог Илимский еду».

Александр Николаевич Радищев пробыл в Илимском остроге шесть лет, но и там не оставлял своих литературных занятий. Он написал несколько стихотворений, статей, трактатов – в частности, «О человеке, о его смертности и бессмертии» (издан в 1809 году), «Письмо о китайском торге», «Повествование о приобретении Сибири», начата историческая повесть «Ермак».

После смерти Екатерины II вступивший на российский престол Павел I разрешил Радищеву вернуться из ссылки. Писатель поселился в имении своего отца, селе Немцове под Москвой. Въезд в столицы ему был запрещен, и он находился под бдительным полицейским надзором, разве что ему разрешили навестить родителей в Саратовской губернии.

Только император Александр I разрешил Радищеву вернуться в Петербург. Ему были возвращены чины, дворянские права, орден Святого Владимира. Казалось, жизнь налаживается. 6 августа 1801 года Александр Николаевич, благодаря протекции графа А. Р. Воронцова, поступает на службу в Комиссию составления законов, где ему положили оклад 1500 рублей в год. Как всегда, он очень ответственно отнесся к порученному делу: тщательно изучал многочисленную юридическую литературу, труды по истории и теории законотворчества, тексты различных законодательных актов.

Его работа в комиссии оказалась очень продуктивной – Радищев подготовил проект гражданского переустройства, основанный на началах гражданской свободы личности, равенства всех перед законом и независимости суда, проект гражданского уложения, записку «О законоположении». В ней Радищев высказал оригинальные мысли о статистическом изучении уголовно-правовых явлений. В связи с этим советский ученый профессор С. С. Остроумов отметил, что Радищева по праву можно считать основоположником судебной статистики. Еще Александр Николаевич написал интересную записку «О ценах за людей убиенных», в которой он доказывал, что жизнь человека не может быть оценена никакими деньгами.

Однако руководивший работой комиссии граф П. В. Завадовский негативно относился к проектам Радищева. По свидетельству А. С. Пушкина, как-то раз даже сказал ему с упреком: «Эх, Александр Николаевич, охота тебе пустословить по-прежнему! Или мало тебе было Сибири?»

11 сентября 1802 года Александр Николаевич Радищев выпил из стоявшего на подоконнике стакана жидкость, в которой оказалась азотная кислота, использующаяся обычно для чистки эполет, и скончался в страшных мучениях. Было это самоубийством или трагической случайностью, доподлинно не известно, но можно представить себе отчаяние человека, если его надежда искренне и благородно служить России в очередной раз терпит крах.

«Собрание сочинений, оставшееся после покойного А. Н. Радищева», книгу в шести частях, напечатали только в 1806–1811 годах. Сюда, конечно, не вошли запрещенные произведения, в том числе и «Путешествие из Петербурга в Москву», – запрет на эту «крамолу» был полностью снят только после революции 1905 года.

Образ замечательного писателя и юриста мы находим в записках его сына, Николая Александровича Радищева. Вот как он вспоминает об отце: «Александр Николаевич был нрава прямого и пылкого, все горести сносил с стоическою твердостью, никогда не изги-

бался и был враг лести и подобострастия. В дружбе был непоколебим, а оскорбления забывал скоро, честность и бескорыстие были отличительными его чертами. Обхождение его было просто и приятно, разговор занимателен, лицо красиво и выразительно…»

Петр Хрисанфович Обольянинов (1752–1841)

«Уподобился великому визирю…»

Петр Хрисанфович Обольянинов родился в 1752 году в семье обедневших дворян. До шестнадцатилетнего возраста недоросль проживал с родителями, так и не получив приличного образования, лишь выучившись более или менее сносно читать и писать, а в 1768 году был записан кадетом в армию и начал военную службу. Не обладая прочными знаниями, Обольянинов тем не менее резко выделялся среди сослуживцев «усердным исполнением своих обязанностей и беспрекословным и пунктуальным следованием приказаний высшего начальства». Дослужившись до премьер-майора, что равнялось воинскому чину 8-го класса, Петр Хрисанфович в 1780 году вышел в отставку. Некоторое время он нигде не служил, несколько лет жил в деревне. Только в 1783 году он получил должность губернского стряпчего в Псковском наместничестве, а спустя несколько лет стал советником в Палате гражданского суда. В 1792 году его перевели в Казенную палату с чином надворного советника.

Гражданская служба не вполне соответствовала честолюбивым планам П. Х. Обольянинова, и он усиленно хлопотал о переводе обратно в армию. В 1793 году удача сопутствовала ему – Обольянинов получил чин подполковника и попал в гатчинские войска великого князя Павла Петровича. Дисциплинированный и энергичный офицер приглянулся наследнику престола и уже через три года заслужил чин генерал-майора.

В 1796 году Обольянинову была пожалована должность генерал-провиантмейстера. Хотя своих сотрудников он держал в постоянном страхе – вечно бранился и устраивал разносы – дела в экспедиции были «недвижимы», «журналы решений не подписывались по нескольку месяцев», секретари ругались между собой и ничего не делали. Отрицательное отношение к Обольянинову так укоренилось в среде чиновников, что многие считали его неспособным к принятию правильных решений. Однако он всеми силами стремился предупредить любое желание Павла I. Его усердие не осталось незамеченным – он получает один за другим ордена Святой Анны и Святого Александра Невского. В следующем году император награждает его богатым поместьем в Саратовской губернии с двумя тысячами душ, в 1798 году присваивает ему воинский чин генерал-лейтенанта, а в 1799 году – возводит в сенаторское звание.

2 февраля 1800 года П. Х. Обольянинов был назначен генерал-прокурором, сохранив при этом и должность генерал-провиантмейстера. На высшем прокурорском посту он оставался чуть более года. За это время успел получить в награду большой крест ордена Святого Иоанна Иерусалимского, орден Святого Андрея Первозванного, большой дом в Петербурге, табакерку с бриллиантами и на 120 тысяч рублей различных фарфоровых и серебряных сервизов. Ему был присвоен воинский чин генерала от инфантерии.

По мнению современников, генерал-прокурорская должность была явно не по Обольянинову. При недостатке ума и ничтожном образовании он, возможно, и мог быть «хорошим батальонным или полковым комиссаром», но с приходом его в прокуратуру «дела

пошли хуже прежнего; произвол водворился окончательно и над людьми, и в деловых решениях. Генерал-прокурор слепо исполнял все полученные повеления и никогда не возражал». Отсутствие у Петра Хрисанфовича образования сказывалось во всем: бумаги были написаны с такими грубыми ошибками, что их, по свидетельству современников, «неприлично было хранить в архиве». Он коверкал многие слова и названия, с сослуживцами был груб и часто ругал их, не стесняясь в выражениях. С первых же дней генерал-прокурор своим «бешеным нравом» привел в трепет всю подчиненную ему сенатскую канцелярию. О «площадных» ругательствах Обольянинова в столице только и говорили.

Несмотря на свой вспыльчивый и невоздержанный нрав, Обольянинов отлично разбирался в людях, ценил и всячески выделял талантливых сотрудников и покровительствовал им, даже идя против воли императора. Когда по указанию Павла I все чиновники Сенатской канцелярии, служившие при Екатерине II, подлежали увольнению, он сумел отстоять М. М. Сперанского, который благодаря своему уму, энциклопедическим знаниям и изысканным манерам сразу же пришелся по душе грозному Обольянинову. Однажды, когда Обольянинов по делам приехал в Гатчину вместе со Сперанским, император, увидев их, рассвирепел: «Это что у тебя школьник Сперанский – куракинский, беклешовский? Вон его сейчас!» Но Петр Хрисанфович сумел добиться от государя, чтобы Сперанского не увольняли со службы. Под давлением генерал-прокурора Павел I даже наградил Сперанского одним из высших российских орденов.

П. Х. Обольянинов пользовался полным доверием Павла I. Своей близостью к монарху он вызывал трепет у самых высоких сановников. К его дому непрерывно подъезжали экипажи: сенаторы приезжали с докладами, от него ждали милостей. В его дом наведывались даже великие князья Александр и Константин. По словам одного из современников, Д. Б. Мертваго, «с каждым днем становясь сильнее, Обольянинов вскоре уподобился великому визирю. Все лично имевшие доклад у государя получили приказания присылать свои представления через генерал-прокурора и были принуждены объясняться по всем делам с Обольяниновым, соображаться с его мнением или, лучше сказать, с его приказанием, которое казалось всем волею царя».

Обольянинов был на редкость непримирим к подношениям. Когда некая Угриновичева вместе с прошением по делу прислала генерал-губернатору карманную книжку, расшитую шелком, он направил ее прошение и подарок генерал-губернатору Эртелю и попросил возвратить их заявительнице, предупредив, чтобы она впредь воздержалась «от неприличной переписки и дерзкой посылки подарка».

Время царствования Павла I было очень тяжелым. В обществе усилилась подозрительность, репрессии приняли еще более зловещий характер. По поручению императора генерал-прокурор Обольянинов, в руках которого находилась ненавистная всем Тайная экспедиция, организовывал слежки даже за самыми высшими сановниками, заподозренными в чем-нибудь предосудительном. «Время было самое ужасное, – писал современник, – государь был на многих в подозрении. Знатных сановников почти ежедневно отставляли от службы и ссылали на житье в деревни». В частности, Павел I санкционировал «наблюдение за поведением» сына знаменитого фельдмаршала – Николаем Румянцевым, за бывшими своими фаворитами – князьями Алексеем и Александром Куракиными, графами Кириллом и Андреем Разумовскими, князем Голицыным и другими лицами.

Много шума вызвало дело лифляндского пастора Ф. Зейдера, в библиотеке которого оказалась запрещенная книга Лафонтена «Вестник любви». По доносу библиотеку опечатали, а пастора отправили в Петербург и после допроса заключили в Петропавловскую крепость. Вскоре был вынесен приговор – «наказав телесно, сослать в Нерчинск на работу». Обольянинова в связи с делом Зейдера возненавидели еще больше.

Строгий и требовательный, Петр Хрисанфович все же не страдал излишней подозрительностью. Именно этим и воспользовались участники заговора против Павла I, избрав дом генерал-прокурора местом своего сбора. Однако за два дня до убийства Обольянинов предупредил императора о готовящемся заговоре.

11 марта 1801 года, в ночь убийства Павла I, Обольянинов был арестован в своем доме. Зная переменчивый нрав государя, он решил, что все происходит по его повелению. Когда его привели в ордонанс-гауз, он лег и уснул… На рассвете ему объявили о кончине государя и отпустили домой. А еще через пять дней указом Александра I отправили в отставку «за болезнью».

Следующие семнадцать лет он жил в своем доме в Москве, не занимаясь ни государственной, ни общественной деятельностью. Затем московские дворяне избрали его своим предводителем. Впоследствии он еще дважды удостаивался этой чести, но в 1828 году, когда его хотели избрать на четвертый срок, категорически отказался. После 14 декабря 1825 года Обольянинов проявил известное мужество, на которое тогда осмеливались немногие: он смело ходатайствовал о смягчении участи декабриста князя Е. П. Оболенского, приговоренного к смертной казни, – и казнь заменили каторжными работами.

П. Х. Обольянинов был женат на Анне Александровне, урожденной Ермолаевой.

Последние годы своей жизни Петр Хрисанфович провел в селе Толожня Новоторжокского уезда Тверской губернии, где и скончался 22 сентября 1841 года на девяностом году от рождения. Погребли его при местной приходской церкви.

Иван Логгинович Горемыкин (1839–1917)

«Ничем не возмутимое спокойствие…»

Иван Логгинович, отпрыск дворянского рода Горемыкиных, уходящего своими корнями в XVII век, родился 27 октября 1839 года в Новгородской губернии. Сначала родители дали ему хорошее домашнее образование, а затем устроили в Императорское училище правоведения, из которого он был выпущен в 1860 году и определен на службу в канцелярию первого департамента Правительствующего сената с чином титулярного советника. Карьера молодого чиновника начинается удачно – спустя несколько месяцев его назначают младшим, а в июле 1861 года – старшим помощником секретаря. В июне 1862 года Горемыкин был причислен к Министерству юстиции, а в ноябре следующего года командирован в канцелярию новгородского губернского прокурора. Однако надолго задержаться в Новгороде ему не пришлось – в марте 1864 года его переводят на службу в Царство Польское, где вначале назначают членом калишской комиссии по крестьянским делам, затем исполняющим должность комиссара и, наконец, 20 ноября 1864 года – комиссаром этой же комиссии. С февраля 1865 года Горемыкин – товарищ председателя седлецкой комиссии по крестьянским делам, а со следующего года уже исполняет должность полоцкого вице-губернатора. Не заставила себя ждать и первая награда – в августе 1865 года Иван Аоггинович получает орден Святой Анны II степени.

Будучи трудолюбивым и исполнительным чиновником, хорошо разбираясь в законах, Горемыкин быстро проходит одну ступень служебной лестницы за другой. В январе 1867 года его утверждают в должности полоцкого вице-губернатора, но в декабре того же года он уже уволен «по прошению» и причислен к канцелярии наместника Царства Польского. Через полгода оставляет и эту должность и переходит в Министерство внутренних дел, где назначается келецким вице-губернатором.

Близко соприкасаясь с крестьянским вопросом, к тому же обладая хорошими аналитическими способностями, Горемыкин собрал и систематизировал обширный материал, на основе которого написал книгу «Очерки истории крестьян в Польше» (1869 год). Печать сразу же отреагировала благожелательными отзывами – в «Библиографе», «Вестнике Европы», «Санкт-Петербургских ведомостях». Возможно, общественный интерес к этой проблеме сыграл не последнюю роль в награждении его серебряной медалью за деятельность по «устройству крестьян в Царстве Польском», которую он получил в июле 1866 года. Но его деятельность имела и обратную сторону – чуть раньше он удостоился и другой «почетной» медали – за «усмирение польского мятежа 1863–1864 гг». Карьера Горемыкина складывается весьма успешно, и в ноябре 1869 года он становится коллежским советником.

В 1869–1893 годах наряду со своими служебными обязанностями Горемыкин выполняет функции почетного мирового судьи по Боровичскому уезду – избирался он шесть раз, каждый раз на трехлетний срок.

В июне 1873 года Горемыкин становится членом, а с 1880 года – председателем временной комиссии при МВД по крестьянским делам губерний Царства Польского. Когда

в октябре 1880 года император Александр II решает провести глубокую и всестороннюю ревизию Саратовской и Самарской губерний, ответственность за которую возлагает на сенатора И. И. Шамшина, Горемыкина прикомандировывают к комиссии в качестве старшего чиновника. Он непосредственно занимается исследованием экономики, быта и юридического положения крестьян, результатом чего стала обширная и толковая записка по этому вопросу.

В первой половине 1882 года Горемыкин состоял в комиссии по выработке правил о выкупе наделов в помещичьих имениях великороссийских и малороссийских губерний, решал и другие вопросы по так называемому крестьянскому делу. Здесь очень пригодился ему опыт, накопленный им в бытность его в Царстве Польском.

С 18 июня 1882 года в чине тайного советника Иван Логгинович был назначен членом консультации, учрежденной при Министерстве юстиции. Одновременно на него были возложены обязанности товарища обер-прокурора первого департамента Правительствующего сената, входящего в отделение по крестьянским делам. Благодаря энергии и трудолюбию он успевал многое – неоднократно исполнял обязанности обер-прокурора, участвовал в различных комиссиях и комитетах, в частности в работе Особого совещания для рассмотрения дел об административной высылке.

В феврале 1884 года Горемыкин занял место обер-прокурора второго департамента Правительствующего сената. Грамотного юриста и добросовестного чиновника нещадно эксплуатировали, привлекая одновременно ко множеству дел. Он одновременно исполнял обязанности обер-прокурора первого департамента и председателя хозяйственного комитета при нем, заведовал обер-прокурорскими делами первого общего собрания Сената, входил от Министерства юстиции в Особую комиссию при Государственном совете, созданную для «всестороннего обсуждения способов кодификации Особого приложения к законам о состояниях», а также в другую особую комиссию, но образованную уже при Министерстве внутренних дел, – эта занималась разработкой вопросов «о мерах к прекращению наплыва иностранцев в западные окраины», но и это еще не все. Горемыкин как опытный специалист подготовил и издал Сборник решений Правительствующего сената по крестьянским делам (1889 год). Следующим был солидный Свод узаконений и распоряжений правительства об устройстве сельского населения и учреждений по крестьянским делам, к нему прилагались разъяснения, содержащиеся в решениях Правительствующего сената и в постановлениях и распоряжениях высших правительственных учреждений в двух томах (1891 год). Этот Свод представлял большую ценность для практических судебных и прокурорских работников и выдержал за несколько лет пять изданий, каждый раз пополняясь новыми материалами. Свод узаконений хорошо раскупался и принес его составителю немало денежных дивидендов.

27 ноября 1891 года Горемыкин становится товарищем министра юстиции (министром тогда был Н. А. Манасеин), с 1894 года – сенатором и управляющим межевой частью на правах товарища министра. В апреле 1895 года он покидает Министерство юстиции и переходит в Министерство внутренних дел на должность товарища министра, оставаясь при этом сенатором. Этим назначением он был обязан обер-прокурору Святейшего синода К. П. Победоносцеву, который рекомендовал его императору, хотя сам министр И. Н. Дурново предпочел бы видеть на этом месте других кандидатов. Карьера продолжает складываться блестяще – спустя полгода Горемыкин становится управляющим Министерством внутренних дел, а 6 декабря 1895 года, опять же с помощью Победоносцева, его утверждают в должности министра внутренних дел.

Как происходило это назначение, рассказал в своих воспоминаниях С. Ю. Витте, в то время министр финансов, а впоследствии – председатель Совета министров: «– А что вы думаете по поводу назначения Горемыкина? – спросил меня государь. Я ответил, что Горемыкина я сравнительно очень мало знаю, ничего о нем определенного сказать не могу,

но что вообще Горемыкин производит на меня впечатление человека порядочного, причем добавил, что, по всей вероятности, Константин Петрович (Победоносцев. – *Авт.),* между прочим, рекомендует Горемыкина потому, что Горемыкин правовед и Константин Петрович тоже правовед, а известно, что правоведы, так же как и лицеисты, держатся друг за друга, все равно как евреи в своем кагале. И если, – сказал я, – у вашего величества никого больше не имеется в виду, то, может быть, вы решитесь назначить Горемыкина? Государь ответил: – Да, я назначу Горемыкина».

Русское общество, которое, как известно, большей частью негативно относилось ко всем царским министрам, сразу же откликнулось на это назначение несколькими сатирическими стихами, ходившими по рукам. В одном из них, названном «Антон Горемыка», все предыдущие министры внутренних дел выводились как «горемычные души». Заключительная строфа содержала едкий каламбур: «Да, обманчивой надежде, / Говорю тебе, не верь, / Горе мыкали мы прежде, /Горемыкин и теперь». По иронии судьбы Горемыкин в числе официальных лиц года присутствовал на торжествах по случаю коронования императора Николая II в мае 1896 года, закончившихся, как известно, Ходынской катастрофой.

На посту министра внутренних дел Иван Аоггинович оставался в течение пяти лет, но эти пять лет изменили его до неузнаваемости. По словам С. Ю. Витте, Горемыкин до назначения министром был человеком «довольно либерального направления», но, вступив в должность, «под влиянием свыше, боясь себя скомпрометировать, начал вести довольно реакционную политику».

О взглядах Горемыкина писали и другие мемуаристы. Вот мнение В. И. Гурко, служившего в то время в Государственной канцелярии: «Прослужив в течение долгих лет в Сенате, правда не по судебному, а по второму, так называемому крестьянскому, департаменту, Горемыкин невольно впитал в себя приверженность к законности и отрицательное отношение к административному произволу. По природе, несомненно, умный, тонкий и вдумчивый, с заметной склонностью к философскому умозрению, он считался не только либералом, так как по личным связям принадлежал к либеральному сенаторскому кружку, но даже сторонником, конечно, платоническим, толстовского учения. Выдающейся чертой характера Горемыкина и его умственного настроения, чертой, с годами все больше в нем развивавшейся, было ничем невозмутимое спокойствие, очень близко граничившее с равнодушием». Годы, когда Горемыкин был министром внутренних дел, были для Российской империи нелегкими. Министерству пришлось бороться с так называемыми неурожайными бедствиями и в связи с этим значительной миграцией крестьян. В 1896 году Горемыкин был вынужден даже создать особое Переселенческое управление в системе Министерства внутренних дел. Были учреждены установления по крестьянским делам Акмолинской области и временные положения о крестьянских начальниках Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний. При нем были несколько ужесточены законы об ответственности губернаторов за совершенные преступления по должности, утверждены нормативные уставы сельских пожарных дружин и потребительских обществ. Во все эти вопросы Иван Логгинович вникал досконально. При Горемыкине министру юстиции Н. В. Муравьеву удалось «урвать» (выражение С. Ю. Витте) у Министерства внутренних дел Главное тюремное управление. Причем сделано это было в обход Государственного совета.

В 1896 году Министерство внутренних дел непосредственно отвечало за проведение первой переписи населения Российской империи. По результатам переписи население России составило 129 млн жителей, из них только 13 % приходилось на городское население, а общий годовой прирост тогда составлял Г млн 600 тыс. человек.

Будучи министром, Горемыкин продолжал участвовать в комиссии по пересмотру судебных уставов, в которую он был включен еще в свою бытность в Министерстве юстиции. Что же касается политических вопросов, здесь он фактически продолжал политику

своего предшественника И. Н. Дурново, отличавшуюся особой жесткостью. От былого либерализма не осталось и следа. Особое внимание уделялось пресечению студенческих беспорядков и борьбе с «вольнодумством» прессы. При Горемыкине либеральные издания подвергались гонениям и притеснениям – многие газеты и журналы были на подозрении. Сначала их предостерегали, потом запрещали и безжалостно закрывали.

До этих пор карьера Горемыкина складывалась удачно. Однако 20 октября 1899 года, находясь в заграничной поездке по Англии и Франции, он неожиданно для себя и без всяких объяснений был уволен с должности министра внутренних дел. Император назначил Ивана Аоггиновича всего лишь членом Государственного совета с оставлением в должности сенатора. Ему было уже почти шестьдесят семь лет, и казалось, что карьера стареющего юриста клонится к закату.

Но судьбе было угодно распорядиться по-другому. Вследствие различных придворных интриг и борьбы противоположных групп, окружавших императора Николая II, Горемыкин все же сумел «взлететь» на чиновничий Олимп. Он стал премьер-министром и возглавил правительство Российской империи. До него юристы редко когда поднимались так высоко. По мнению современников, назначению Горемыкина способствовала рекомендация Д. Ф. Трепова, бывшего столичного генерал-губернатора, а затем дворцового коменданта, «полу-диктатора», как отзывались о нем некоторые приближенные к императору вельможи. Как писал С. Ю. Витте, Трепов рассчитывал, что Горемыкин на посту председателя Совета министров будет во всем слушаться его советов, и даже подготовил для него инструкцию, как вести себя в Государственной думе. Но его надежды не оправдались. 22 апреля 1906 года, перед самым открытием первой Государственной думы, кабинет премьер-министра С. Ю. Витте пал, и на место председателя Совета министров был поставлен Горемыкин, который одновременно оставался членом Государственного совета и сенатором. В правительстве произошли основательные перестановки, были заменены все министры (за исключением трех: военного, морского и торговли).

27 апреля 1906 года в Георгиевском тронном зале Зимнего дворца состоялось торжественное открытие Государственной думы и преобразованного Государственного совета. После торжественного молебна император произнес «тронную речь». Из Зимнего дворца депутаты направились в Таврический, где в четыре часа был отслужен еще один молебен, а в пять часов все заняли свои места в зале заседаний. Весь кабинет министров во главе с Горемыкиным поместился в ложе министров, а члены Государственного совета – в своей ложе. По поручению императора открыл Государственную думу статс-секретарь З. В. Фриш. Председателем Думы избран был С. А. Муромцев.

Государственная дума сразу же заявила свои права «на верховную власть». После горячих прений она выработала так называемый адрес, в котором было указано, что спокойная и правильная работа Думы может происходить только при условии ответственности всех министров перед народными представителями и что необходимо «освободить Россию от действия чрезвычайных законов». Дума предлагала выработать законы о полном уравнении всех граждан независимо от национальности и пола, о равноправии крестьян и охране наемного труда, о всеобщем бесплатном обучении, справедливом распределении налогов, преобразовании местного управления и самоуправления на началах всеобщего избирательного права. Она высказалась за аграрную реформу и наделение крестьян землей за счет принудительного отчуждения земель частнособственнических, казенных и удельных, за отмену смертной казни и исключительных законов, за проведение полной политической амнистии.

Ответить на все эти запросы предстояло председателю Совета министров Горемыкину. 13 мая 1906 года ему пришлось выступить в первой Государственной думе со своей программой. Он заявил, что Совет министров, полагая в основании своей деятельности соблюдение строгой законности, готов оказать полное содействие разработке всех вопросов, поднятых

Государственной думой. Тем не менее Горемыкин особо подчеркнул, что изменение избирательного закона находит сейчас преждевременным, а к удовлетворению насущных нужд сельского хозяйства, к вопросам о равноправии крестьян, начальном образовании, налоговой системе и преобразовании местного самоуправления «правительство отнесется с особым вниманием». Земельный вопрос на основаниях, предложенных Думой, правительство считает недопустимым. Что касается исключительных законов, то правительство считает себя обязанным ограждать спокойствие людей всеми способами. Относительно политической амнистии его кабинет находит, что «настоящее смутное время» не отвечает «благу помилования преступников, участвовавших в убийствах, грабежах и насилии».

В. И. Гурко, слушавший речь Горемыкина, писал: «Голос Горемыкина был слабый, и, хотя в зале господствовала полная тишина, его расслышать было трудно, а потому принятая предосторожность об одновременной раздаче членам Государственной думы печатных экземпляров речи Горемыкина оказалась весьма кстати. На одном лишь месте своей речи Горемыкин усилил свой голос, подняв даже при этом в виде угрозы указательный палец, а именно где говорилось о недопустимости принудительного отчуждения частновладельческих земель в целях дополнительного наделения крестьян землей».

Первая Государственная дума, выслушав подобную «декларацию» председателя Совета министров, выразила его кабинету недоверие. Противостояние закончилось роспуском Думы. Произошло это, как отмечали современники, по инициативе самого Горемыкина, который доложил императору, что с этой Думой правительство ничего сделать не в состоянии и что Дума будет «революционизировать страну». Очень скоро, 7 июля 1906 года, Николай II подписал указ о роспуске Государственной думы. Вслед за ее роспуском 8 июля последовала и отставка самого Горемыкина – его место занял уверенно набиравший силы министр внутренних дел П. А. Столыпин.

Однако Горемыкин все еще оставался важной политической фигурой. В 1905 году вышла в свет его новая книга «О торговле в кредит», а в 1907 году – «Аграрный вопрос». Иван Логгинович все еще был членом Государственного совета и сенатором, а в мае 1910 года даже пожалован в статс-секретари императора.

30 января 1914 года Горемыкин вторично призывается на высший государственный пост – председателя Совета министров, сменив В. Н. Коковцова. На этот раз в кресле председателя он продержался два года, хотя непримиримая конфронтация с Думой продолжалась. Его первое же выступление в Государственной думе ознаменовалось огромным скандалом. В Думу съехались все министры, чтобы послушать своего председателя. Но как только он появился на трибуне, со стороны левых поднялся такой невообразимый шум, что ничего не было слышно. В зале раздавались крики «долой!» и «вон!». Правые хотели заглушить протесты аплодисментами, но это им не удалось. Тогда председатель Государственной думы М. В. Родзянко вынужден был предложить Горемыкину покинуть трибуну «до водворения порядка». Поскольку депутаты и не думали униматься, Родзянко предложил лишить наиболее «крикливых» из них права участвовать в пятнадцати заседаниях. Кончилось тем, что самых несговорчивых вывели из зала при помощи приставов. Только после этого Горемыкин произнес свою речь.

В эту пору Горемыкин не мог найти общего языка даже со многими своими министрами. Особенно остро это проявилось во время Первой мировой войны на закрытом заседании Совета министров, где обсуждался вопрос о принятии императором функций Верховного главнокомандующего русской армии.

В январе 1916 года Горемыкина все-таки отправили в отставку. При увольнении он получил чин действительного тайного советника первого класса, что по Табели о рангах равнялось генерал-фельдмаршалу. За свою долгую службу И. А. Горемыкин был удостоен

всех высших орденов Российского государства, включая ордена Святого Александра Невского и Святого Апостола Андрея Первозванного.

После Февральской революции 1917 года Горемыкин, как и многие царские сановники, был арестован Временным правительством и заключен в Петропавловскую крепость, но в мае 1917 года освобожден. Ему было разрешено выехать на Кавказ, и он поселился на даче близ Сочи.

Иван Аоггинович трагически погиб 11 декабря 1917 года – был убит при бандитском налете на дачу. Вместе с ним погибли его жена Александра Ивановна, урожденная Капгер, дочь Александра Ивановна и зять, дипломат Иван Александрович Овчинников. Другие дети Горемыкина, дочь Татьяна Ивановна и сын Михаил Иванович, эмигрировали.

Николай Платонович Карабчевский (1851–1925)

«Несравненный темперамен

Николай Платонович Карабчевский родился 29 ноября 1851 года в военном поселении под городом Николаевом Херсонской губернии. Отец его, Платон Михайлович, в это время командовал уланским его высочества герцога Нассауского полком. По отцовской линии род Карабчевского турецкого происхождения. Еще во времена Екатерины II, при взятии Очакова, был пленен мальчик-турчонок,

родители которого погибли. Какой-то генерал царской армии отвез мальчика в Петербург и определил в военный корпус. Фамилию ему дали произвольно, от слова «кара», что значит «черный». С тех пор все предки Карабчевского, как правило, служили в армии, чаще всего в кавалерии.

Образованием Николая Карабчевского занимались сначала дома. К детям были приглашены лучшие учителя, а для Николая даже выписали из Марселя француженку, поэтому французским языком он владел великолепно. Несколько хуже знал английский. В двенадцатилетнем возрасте мальчик поступил в только что открытую в Николаеве гимназию особого типа: она была реальная, но с латинским языком. Окончил ее Николай Платонович с серебряной медалью. В 1869 году он поступил на естественный факультет Санкт-Петербургского университета. Учеба увлекала одаренного юношу, но естественные науки несколько ограничивали его пылкую натуру, и тогда он заинтересовался юриспруденцией, стал посещать лекции известных профессоров – Н. С. Таганцева, П. Г. Редкина и других. Не чуждался и общественной жизни, активно участвовал в «студенческих беспорядках», за что университетским судом был даже приговорен к трехнедельному аресту.

В 1870 году Карабчевский окончательно расстался с естественным факультетом университета и перевелся на юридический, который блестяще окончил спустя четыре года. В эти годы у Николая Платоновича была заветная мечта – стать писателем, точнее, драматургом, очень уж неудержимо его влекло к театру. С юных лет он выступал на любительской сцене, где ему приходилось играть даже главные роли. Он сыграл Чацкого в комедии Грибоедова «Горе от ума», Гамлета в одноименной трагедии Шекспира. Его перу принадлежит драма «Жертва брака», но она вышла довольно слабой, и попытка напечатать ее на страницах «Отечественных записок» потерпела неудачу.

Молодой человек оказался на распутье. Перед ним остро встал вопрос – чем заниматься дальше. Сам Карабчевский так пишет об этом: «Для меня было ясно, что на государственную службу я не поступлю. А на адвокатуру во время своего студенчества я глядел свысока. Она мне представлялась всегда не чуждой некоторого суетливого сутяжничества, и я считал ее мало подходящей для моей натуры, более склонной, как мне казалось тогда, к мечтательному созерцанию окружающей жизни, нежели к энергичной, практической деятельности». Но после долгих размышлений Карабчевский все же решил записаться в присяжные поверенные, хотя облик российского «ходатая» и «стряпчего» его, по собственному

признанию, не пленял. В декабре 1874 года он предложил свои услуги адвокату А. Ольхину, с которым был знаком в студенческие годы. Тот сразу же согласился взять Николая Платоновича помощником и помог ему написать прошение в совет присяжных поверенных.

Вскоре Карабчевский выступил в суде по первому своему делу – он защищал крестьянского парня из Тверской губернии Семена Гаврилова, обвинявшегося в краже со взломом. Это небольшое дело с самой незатейливой фабулой запомнилось ему на всю жизнь. Семнадцатилетний Семен Гаврилов, приехав в Петербург, за три рубля снял угол у квартирной хозяйки. Занимался он сапожным ремеслом, выручал в месяц до двенадцати рублей, жил скромно и тихо. Однако вдруг повадился в публичный дом, стал пьянствовать, задолжал за квартиру и, вконец промотавшись, совершил кражу, похитив из сундука другого постояльца носильные вещи и рублей пять денег, а после этого пропал. Потерпевший сам отыскал его и привел к хозяйке, но Семен стал от всего отказываться, хотя на нем узнали краденую рубашку. Вызвали полицию, но и перед следователем Гаврилов в краже не повинился.

Когда Карабчевский взялся за защиту Гаврилова, первым делом он отправился в Литовский замок, где содержался арестованный, и с большим трудом убедил его во всем повиниться, рассчитывая, что присяжные заседатели проявят к нему снисхождение. После этого начал готовиться к процессу. «До слушания дела оставалось еще пять дней, – рассказывал впоследствии Карабчевский, – мне же казалось, что это ужасно мало. Сколько хотелось сообразить, перечесть, передумать! Я зачастил в публичную библиотеку, перелистал всю юридическую литературу о малолетних преступниках, прочитал по тому же предмету кое-что из области медицинской… Дня через два-три речь, помимо моей воли, была готова в моей голове. Кульминационным в ней моментом, помимо молодости и увлечения первой непреоборимой страстью тревожного периода юности, явилось именно указание на вполне свободное и невынужденное сознание подсудимого. Раньше он всюду запирался». До процесса оставалось два дня, и тут произошло событие, буквально выбившее у Карабчевского почву из-под ног. Дело в том, что рядом с ним проживал некий дворянин, окончивший Александровский лицей, не состоявший на службе, а живший на небольшой доход со своего имения, при этом склонный к философствованию. По словам Карабчевского, именно с этим дворянином и произошла история, ставшая внешней фабулой знаменитого романа А. Н. Толстого «Воскресение». Карабчевский поведал ему, что должен выступать в суде и что очень рассчитывает на оправдание своего подзащитного, для чего и уговорил его во всем чистосердечно признаться.

Дворянин выдал Карабчевскому гневную тираду. Суть ее заключалась в том, что адвокат сам приближает своего клиента к тюрьме, облегчив присяжным заседателям возможность обвинить его, что у большинства присяжных «рабья подоплека» и они никогда не оправдают сознавшегося, а вот когда преступник запирается, то они, боясь взять грех на душу, отпускают его. Встревоженный этим разговором, Карабчевский наутро помчался в Литовский замок, встретился с Гавриловым и, смущаясь, дал донять, что даже признание своей вины не является гарантией в том, что присяжные оправдают подсудимого. Выслушав защитника, Гаврилов спокойно ответил: «Что врать-то? Мы в сознании…» Настал день суда. «Я был жалок, когда направлялся на свою первую защиту с портфелем, для чего-то нагруженным и объемистым уложением, и уставом уголовного судопроизводства, но с совершенно пустой головой», – вспоминал Карабчевский.

Дело шло первым. Доставили подсудимого. Когда Гаврилова ввели в зал, то он вдруг сказал Карабчевскому: «Ваше благородие, мы не в сознании!» «Я начал ощущать, как медленно раздвигается подо мною пол, как я проваливаюсь в преисподнюю вместе с моей речью», – говорил впоследствии Карабчевский. После формальностей с присяжными заседателями и свидетелями зачитали обвинительный акт. Карабчевский понимал, что приближается его «погибель». Он был настолько взволнован, что с трудом воспринимал происходя-

щее. Наконец до его слуха донеслись слова председателя, обращенные к подсудимому: «Ну что же, вы признаете себя виновным?» Только теперь Карабчевский сообразил, что председатель задает этот вопрос его подзащитному в третий раз. И здесь, в напряженной тишине, Гаврилов выдавил из себя: «Мой грех!» – и разрыдался, как ребенок. Когда он немного успокоился, то во всем повинился. После этого суд и присяжные отказались даже от допроса свидетелей. Карабчевский писал: «На всех произвели сильное впечатление искренность и неожиданность сознания подсудимого». Присяжные заседатели вынесли оправдательный вердикт. Более того, когда все разошлись, старшина присяжных положил в руку Карабчевскому несколько смятых кредитных бумажек, сказав, что это присяжные собрали для подсудимого на первое время.

Довольно быстро Карабчевский стал приобретать популярность. Лишь только был оглашен оправдательный приговор Гаврилову, тут же к адвокату обратился один из участвовавших в этом деле присяжных заседателей с просьбой принять на себя защиту интересов его матери, которую пристав грозился «потащить» к мировому судье – она якобы нарушила строительный устав, соорудив при ремонте дома деревянную лестницу вместо каменной.

Карабчевский выступал в процессах как по уголовным, так и по политическим делам. В конце 1877 – начале 1878 года Николай Платонович принимал участие в знаменитом процессе «ста девяноста трех». Здесь он оказался в окружении целого созвездия блестящих присяжных поверенных. Среди защитников были П. А. Александров, Г. В. Бардовский, А. А. Боровиковский, В. Н. Герард, М. Ф. Громницкий, А. Я. Пассовер, П. А. Потехин, В. Д. Спасович, Д. В. Стасов, доктор права Н. С. Таганцев и другие. И только трое помощников присяжных поверенных удостоились чести быть в этом списке: Н. П. Карабчевский, В. М. Бобрищев-Пушкин и Грацианский.

Николай Платонович защищал одну из главных обвиняемых, Е. К. Брешко-Брешковскую, которую впоследствии стали называть «бабушкой русской революции» (она умерла в Праге, на девяносто первом году жизни), а также А. В. Андрееву и В. П. Рогачеву. Хотя первая из них все же была приговорена к пяти годам каторги, речь Карабчевского произвела сильное впечатление. Двое других его подзащитных были оправданы. Спустя сорок лет он вспоминал: «Мы сидели на процессе в течение многих месяцев, побросав другие дела, – и какая проявилась высота понимания своих задач. Это был «политический» процесс. Но не подумайте, что все ограничивалось либеральными выступлениями и партийной лирикой – нет, проявлено было изумительное, почти пророческое понимание общественного, бытового и исторического значения процесса, в речах чуялось бесстрашное углубление в самую толщу почвы, на которой процесс развился. Были чудные речи… Я помню наши овации по адресу речей Александрова, Герарда, Бардовского и многих других, речи которых были для нас целым откровением, этими воспоминаниями я хочу сказать, что на протяжении менее десятка лет был уже подготовлен целый кадр защитников для самых сложных, самых ответственных и боевых в то время процессов».

Находясь после Октябрьской революции в эмиграции, Карабчевский выпустил два тома воспоминаний «Что глаза мои видели». В них, описывая процесс «ста девяноста трех», он отмечает, что среди подсудимых было несколько выдающихся личностей во главе с И. Н. Мышкиным. «Своими речами на суде он «зажигал сердца» молодежи, выступая убежденным до фанатизма революционером-пропагандистом, – писал Карабчевский. – Я сам ночи не спал после его страстных выступлений. Порою слова его казались мне непреложным откровением. Ярко помню кульминационный момент процесса, когда Мышкин исчерпывающе высказал свое знаменитое «кредо»: «Всеобщее народное восстание». Оно потрясло и захватило всю аудиторию».

На процессе «ста девяноста трех» произошел такой эпизод. Когда во время речи Мышкина жандармы бросились зажимать ему рот, адвокаты Бардовский, Стасов, Утин и некото-

рые другие обступили его, требуя записать в протокол, что жандармы позволяют себе бить подсудимых. Карабчевский же, по собственному признанию, «потеряв голову, угрожающе бросился на жандармского офицера с графином в руках».

В ходе процесса и после его окончания Карабчевский много раз встречался со своей подзащитной Брешко-Брешковской, которая прониклась искренней симпатией и доверием к молодому адвокату и даже склонна была вовлечь его в революционную борьбу. На это Николай Платонович сказал: «Не кровью и насилием возрождается мир… Для меня «террорист» и «палач» одинаково отвратительны». Тогда революционерка, крепко пожав Карабчевскому руку, сказала на прощание: «Бог с вами, оставайтесь праведником… предоставьте грешникам спасать мир. Я иду в каторгу… а вы на волю, к радостям жизни. Спасибо вам за все!»

Впоследствии Карабчевский выступал на политическом процессе «семнадцати» и некоторых других подобных процессах. Оценивая их с точки зрения общественного к ним отношения, уже после революции он писал, что в те годы «интеллигенция благоразумно-выжидательно «тайно аплодировала», а обыватели и народ пока только ротозейно недоумевали».

В 1879 году Карабчевский стал полноправным адвокатом, вступив в сословие присяжных поверенных округа Санкт-Петербургской судебной палаты. Он часто выступал по самым громким процессам того времени. Слава его как блестящего защитника возрастала изо дня в день, началась же она после блестящей речи по так называемому интендантскому делу, которое слушалось в Особом присутствии Петербургского военно-окружного суда с 18 февраля по 17 апреля 1882 года. В этом «процессе-монстре», как называл его Карабчевский, защита была представлена такими известными адвокатами, как В. И. Жуковский, А. И. Урусов, С. П. Марголин, и некоторыми другими. Суду были преданы шестнадцать интендантов и подрядчиков во главе с действительным статским советником В. П. Макшеевым, бывшим окружным интендантом Рущукского отряда действующей армии в турецкой кампании 1877 года. Все они обвинялись в злоупотреблениях при поставках продовольствия в армию. Поскольку в числе подсудимых было лицо в генеральском чине (чин действительного статского советника приравнивался к генеральскому), то и Особое присутствие состояло исключительно из генералов. Председательствовал член Главного военного суда В. К. Слуцкий, обвинение поддерживал военный прокурор барон Остен-Сакен и его помощники Рыльский и Иллюстров.

Еще задолго до процесса общественное мнение было настроено против главного обвиняемого Макшеева. В печати на него появились резкие нападки, обсуждалась не только его прошлая деятельность, но и особенности личности. Все считали, что едва ли найдется адвокат, согласный защищать человека, вина которого «столь вопиюща». Чтобы противостоять одностороннему освещению в печати обстоятельств дела, Макшеев стал издавать свою газету «Эхо». Но это, по выражению Карабчевского, «подлило только масла в огонь». «Можно смело утверждать, – пишет он, – что защита Макшеева прошла под дружный аккомпанемент неодобрительного шипения и свиста всей нашей ежедневной печати». Интригу процессу придавало еще и то, что Рущукским отрядом командовал наследник цесаревич, в 1881 году вступивший на российский трон под именем Александр III, а начальником штаба у него был генерал-майор И. С. Ванновский, ставший к началу рассмотрения дела военным министром.

Свою защитительную речь Карабчевский произносил шесть часов с двумя небольшими перерывами. Досконально изучив многотомное дело (достаточно сказать, что один обвинительный акт составлял четыреста страниц), Николай Платонович шаг за шагом разрушал обвинение, воздвигнутое против его подзащитного. Конечно, добиться полного оправдания по такому делу было невозможно. По приговору суда Макшеева сослали на жительство в Томск, а через несколько лет помиловали.

В ноябре – декабре 1884 года в Санкт-Петербургском окружном суде Карабчевский совместно с адвокатом В. Ф. Леонтьевым защищал подсудимого И. И. Мироновича, обвинявшегося в убийстве еврейской девочки Сары Беккер. Обвинял подсудимого товарищ прокурора окружного суда И. Ф. Дыновский. Это дело наделало в свое время много шума в столице, поэтому Карабчевский начал свою речь так: «Господа присяжные заседатели! Страшная и многоголовая гидра – предубеждение, и с нею-то прежде всего приходится столкнуться в этом злополучном деле. Злополучном с первого судебного шага, злополучном на всем дальнейшем протяжении процесса. Преступление зверское, кровавое, совершенное почти над ребенком, в центре столицы на фешенебельном Невском, всех, разумеется, потрясло, всех взволновало. Этого было уже достаточно, чтобы заставить немного потерять голову, даже тех, кому в подобных случаях именно следовало бы призвать все свое хладнокровие».

Далее, постепенно разбивая все доводы обвинения, он подводил к мысли о невиновности Мироновича. А свою речь закончил так: «Нам всем бы хотелось, чтобы ларчик похитрее открывался. А он открывается просто: Миронович невиновен. Начните с этого и кончите этим: оправдайте его! Вы не удалитесь от истины». Однако убедить присяжных заседателей Николай Платонович не смог. Они вынесли вердикт: «Виновен», на основании которого суд приговорил Мироновича к каторжным работам на четыре года. На этот приговор Карабчевский принес кассационную жалобу, рассмотренную Правительствующим сенатом в феврале 1885 года. В отношении Мироновича приговор был отменен, и дело направлено на вторичное разбирательство.

2 октября 1885 года Санкт-Петербургский окружной суд с новым составом присяжных заседателей вторично приступил к рассмотрению этого дела. Процесс длился девять дней. Обвинение поддерживал товарищ прокурора окружного суда

В. М. Бобрищев-Пушкин. На этот раз Карабчевский противостоял ему в паре с другим замечательным адвокатом – С. А. Андреевским. Николай Платонович сразу же сказал, что он, будучи глубоко убежден в невиновности Мироновича, не покидал обвиняемого с самого возбуждения дела и считает своей обязанностью защищать правое, честное дело до конца, хотя теперь его помощь почти уже не нужна. Причину предания Мироновича суду и первого осуждения, сказал он, надо видеть в неудовлетворительности предварительного и судебного следствия, в допущенных ошибках, пристрастности и односторонности со стороны лиц, производивших дело. «Было бы странно, если бы веденное ложным путем следствие вывело на настоящую дорогу, – все толкало судей сбиться с пути, запутаться в лабиринте, созданном искусной рукой». А заключил свою речь словами: «Для меня, господа присяжные заседатели, Миронович давно уже перестал быть сыщиком, ростовщиком, взяточником; для меня остается только больной несчастный старик, поруганный, загнанный, застигнутый неслыханным горем; это заживо погребенный, – от вас зависит дать ему вздохнуть». Затем выступил присяжный поверенный С. А. Андреевский, который произнес в защиту Мироновича одну из лучших своих речей. На этот раз И. И. Миронович был оправдан. Правительствующий сенат оставил без последствий кассационный протест прокурора.

Незадолго до вторичного рассмотрения дела Мироновича Карабчевский защищал в Петербургском военно-окружном суде поручика артиллерии В. М. Имшенецкого, обвинявшегося в тяжком преступлении – преднамеренном утоплении своей жены, находившейся на четвертом месяце беременности. Это было не менее громкое и сенсационное дело. 31 мая 1885 года в одиннадцатом часу вечера на реке Малой Невке, между Петровским мостом и садом «Бавария», с лодки, в которой находились Имшенецкий и его жена Мария Ивановна, урожденная Серебрякова, послышался мужской голос, призывавший на помощь. Перевозчик-яличник Ф. Иванов тотчас поспешил туда и увидел Имшенецкого, плавающего рядом с пустой лодкой, а в саженях двух далее – дамскую шляпку. Иванов принял офицера в свой ялик и высадил на берег, где тот и рассказал, что жена упала в воду, переходя с руля на весла.

Предпринятые энергичные поиски жены не увенчались успехом. Лишь через десять дней тело всплыло. Никаких признаков внешнего насилия на теле погибшей не нашли. Всех занимал вопрос, что это было: несчастный случай или убийство?

Следствие обвинило поручика Имшенецкого в том, что он, женившись в феврале 1884 года на дочери купца Серебрякова, Марии Ивановне, вскоре после брака склонил жену сначала на выдачу ему полной доверенности на управление ее домом, а спустя месяц после свадьбы и на составление духовного завещания с отказом в его пользу принадлежащего ей дома и всего движимого имущества, а затем во время прогулки по реке «действиями своими вызвал падение ее в воду, вследствие чего она утонула». Было установлено, что Имшенецкий незадолго до злополучной лодочной прогулки заставлял жену принять меры «к изгнанию плода». На суде обвинение поддерживал помощник военного прокурора Болдырев. В качестве поверенного гражданского истца, отца погибшей, выступал адвокат В. М. Бобрищев-Пушкин.

Карабчевский в своей речи со страстью доказывал, что подсудимый – не тиран-преступник, «перешагнувший спокойно через труп», а всего лишь «жалкая, беспомощная игрушка печального сцепления грустных обстоятельств» и к этой последней роли как нельзя более подходит его «безвольная и дряблая натура». И далее: «Итак, господа судьи, на основании тщательного, кропотливого исследования самого факта падения в воду покойной я вправе утверждать, что убийство не доказано, не доказан и злой умысел со стороны Имшенецкого на основании исследования его личности и тех внутренних условий его семейной жизни, которые ставились ему в улику». А вот концовка этой речи: «Я не позволю себе навязывать вам своего внутреннего убеждения: пусть оно остается там, где ему быть надлежит, – не на языке только, а в глубине моего сердца, в глубине моей совести. Одну лишь уверенность после восьми дней, проведенных перед лицом вашим, господа судьи, позволю я себе громко высказать: я убежден, что приговор ваш будет и глубоко продуман, и глубоко справедлив».

После шестичасового совещания суд вынес приговор. Имшенецкий был признан невиновным в предумышленном убийстве своей жены, но признан виновным в неосторожности, последствием которой была смерть Марии Ивановны. Суд приговорил его к аресту на гауптвахте на три недели и церковному покаянию по усмотрению его духовного начальства.

В сентябре – ноябре 1894 года Карабчевский защищал в Одесском окружном суде капитана парохода «Владимир» капитана 2-го ранга К. К. Криуна. Его вместе с капитаном итальянского судна «Колумбия» Пеше и некоторыми другими должностными лицами обвинили в том, что из-за нарушения законов безопасности мореплавания произошло столкновение судов, обернувшееся гибелью семидесяти шести человек. Карабчевский сумел доказать, что капитан Криун является «более несчастным, нежели виновным человеком». Хотя суд признал его вину, но осудил всего на четыре месяца тюрьмы и церковное покаяние. Однако менее чем через месяц определением суда на основании всемилостивейшего Манифеста Криун был от наказания освобожден.

В феврале 1895 года в Санкт-Петербургском окружном суде Карабчевский защищал Ольгу Палем, обвинявшуюся в убийстве

студента Данилова. После его трехчасовой речи присяжные заседатели оправдали подсудимую. Однако через несколько дней по указанию министра юстиции Н. В. Муравьева прокуратура опротестовала этот приговор. Правительствующий сенат оперативно рассмотрел протест. В Сенате у Карабчевского были достойные противники – дело докладывал сенатор Н. С. Таганцев, а заключение давал обер-прокурор А. Ф. Кони. После довольно продолжительного совещания приговор суда был отменен. В тот же день О. Палем снова была взята под стражу, а 18 августа 1896 года признана виновной в непреднамеренном убийстве и приговорена к десятимесячному тюремному заключению.

В последующие годы в активе Карабчевского были не менее сенсационные процессы. Популярность его была так велика, что одно только участие в процессе делало сам процесс громким. «Ни один русский адвокат не завоевал такой славы, – отмечал С. В. Карачевцев, – не превратил так своего имени в нарицательное, не поднял на такую высоту блеска и славы звания защитника».

Карабчевский защищал братьев Скитских, обвинявшихся в убийстве, – после нескольких процессов они были оправданы, и мултанских вотяков – этих крестьян из села Старый Мултан дважды приговаривали к каторге по обвинению в ритуальном убийстве, но после вступления в дело Карабчевского оправдали. В известном процессе Бейлиса, прогремевшем на всю Россию, Карабчевский тоже во многом способствовал оправданию обвиняемого. Участвовал он в делах революционеров-террористов Г. А. Гершуни и Е. С. Сазонова, а также многих других.

Хорошо знавший Карабчевского С. В. Карачевцев писал: «Природа даровала Николаю Платоновичу особую способность строить речь красиво и сильно, всей душой отдаваться интересам своего подзащитного, а глубокая эрудиция обогатила эту речь образами поэзии и искрами философской мысли».

Успех в самых трудных процессах сопутствовал Карабчевскому еще и потому, что он блестяще вел судебное следствие. Здесь он был и юристом, и психологом, и художником, и аналитиком. Помогал ему и «несравненный темперамент». Карабчевский беспощадно бился за своего клиента, защищал его «до последней капли крови» и пускал в ход все средства, которые не были запрещены законом. Свидетелей допрашивал напористо и азартно. Лгущих свидетелей обвинения своими хлесткими вопросами он припирал к стене и буквально вырывал у них правду. Современники отмечали, что его реплики и замечания во время следствия – «настоящий ураганный огонь, перед которым не мог устоять ни свидетель, ни прокурор, ни даже председатель». «Карабчевский брал не красотой, а страшной неслыханной силой, – заметил как-то С. В. Карачевцев. – Он загорался от прикосновения к делу, как к живому существу».

В 1895 году Карабчевского избрали в состав Совета присяжных поверенных Санкт-Петербургской судебной палаты. В 1913 году он стал его председателем и оставался на этом посту до Октябрьской революции. «Трезвый проницательный ум, беспощадная логика мысли, громадная эрудиция и блестящее красноречие – вот что отличало Карабчевского всю жизнь и выдвинуло его в ряды наших лучших общественных деятелей, которыми вправе гордиться Россия. Его громадное общественное влияние сказалось и на всем сословии адвокатуры, в долголетнюю бытность его председателем Совета петербургских присяжных поверенных», – писал С. В. Карачевцев.

Николай Платонович не оставлял и увлечения своей юности – литературного творчества. Сотрудничал в газете «Неделя» и других, писал публицистические и юридические заметки. С середины 1880-х годов публиковал юридические статьи и очерки в журналах «Вестник Европы», «Русская мысль», «Русское богатство» и прочих. В 1901 году Карабчевский выпустил сборник своих речей. В предисловии он писал: «Вся деятельность судебного оратора – деятельность боевая. Это – вечный турнир перед возвышенной и недосягаемой «дамой с повязкой на глазах». Она слышит и считает удары, которые наносят друг другу противники, угадывает и каким орудием они наносятся… Разве не естественно желать сохранить хоть «на память» случайно уцелевшие образцы того оружия, которым приходилось сражаться всю жизнь».

В 1902 году вышла книга Карабчевского «Около правосудия», переизданная в 1908 году. Он редактировал также журнал «Юрист», посвященный суду и адвокатам. Написал ряд прозаических и поэтических произведений: роман «Господин Арсков», «Стихотворения в прозе», рассказы, очерки, эссе, а также мемуары, вышедшие в 1921 году.

В творчестве Николая Платоновича С. В. Карачевцев подметил интересную особенность. Многие известные адвокаты занимались литературным трудом (С. А. Андреевский, К. К. Арсеньев, В. Д. Спасович и др.), но в своем творчестве они как бы переставали быть адвокатами, а становились критиками, публицистами, поэтами. Карабчевский же и здесь оставался только адвокатом. В романе «Господин Арсков» он вывел двух присяжных поверенных – себя и Андреевского. Даже в Благородном собрании, в любительском спектакле, он играл роль человека, невинно осужденного на каторгу.

После Февральской революции, которую Карабчевский встретил настороженно, А. Ф. Керенский, получивший должность министра юстиции и генерал-прокурора, предложил Николаю Платоновичу должность сенатора уголовного кассационного департамента Правительствующего сената, но тот отказался от такой «чести».

Вот как передает этот диалог С.В. Карачевцев:

«– Николай Платонович, – сказал порывисто Керенский, – хотите быть сенатором уголовного кассационного департамента? Я имею в виду назначить несколько сенаторов из числа присяжных поверенных…

– Нет, Александр Федорович, разрешите мне остаться тем, что я есть, – адвокатом, – поспешил ответить Николай Платонович. – Я еще пригожусь в качестве защитника…

– Кому? – с улыбкой спросил Керенский. – Николаю Романову?

– о, его я охотно буду защищать, если вы затеете его судить!

Керенский откинулся на спинку кресла, на секунду призадумался и, проведя указательным пальцем левой руки по шее, сделал им энергичный жест вверх, и все поняли, что это намек на повешение.

– Только не это, – дотронулся до его плеча Николай Платонович, – этого мы вам не простим!

Так и не соблазнил Керенский Карабчевского. Только впоследствии Николай Платонович согласился на место председателя в комиссии по расследованию немецких зверств, но ведь это было всего лишь составление обвинительных актов».

Советскую власть Карабчевский не признал и эмигрировал.

Николай Платонович был женат на Ольге Андреевне, родной сестре народовольца С. А. Никонова.

Умер он 6 декабря 1925 года и похоронен в Риме.

Николай Александрович Добровольский (1854–1918)

«…Неслись к неминуемом катастрофе

Николай Александрович Добровольски] родился 10 марта 1854 года в семье потомственного дворянина Новгородской губернии Мальчик рано остался без отца, и воспитывал его отчим, который был преподавателем – обучал будущего императора Александра III и великих князей Алексея, Сергея и Павла. У него сложились настолько близкие отношения с членами императорской фамилии, что даже императрица Мария Федоровна называла его ласково – Руминька. Последний император Николай II тоже относился к отчиму Добровольского вполне благожелательно. Свое отношение к «Руминьке» царские родственники невольно переносили и на пасынков. Николай Александрович с юношеских лет был связан «особенно теплыми, близкими отношениями» с великим князем Михаилом Александровичем. Хотя, по признанию самого Н. А. Добровольского, ни он, ни оба его брата никогда не прибегали к протекции великого князя для продвижения по службе, все же близость к высочайшему двору почти автоматически давала ему некоторые преимущества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.